

Демографическая модернизация — сложный социальный процесс, который всегда и везде проходит достаточно болезненно. Но с какими бы проблемами ни сталкивались переживающие его общества, обычно это не проблемы медленного демографического роста. Даже если оставить в стороне современный «взрыв» населения в развивающихся странах, в этом убеждает опыт большинства европейских государств. Были отдельные исключения, такие как Франция, но большинство стран Западной Европы прошло через период ускорения роста населения во второй половине XIX века, когда смертность в них уже заметно снизилась, а рождаемость все еще оставалась относительно высокой. Демографический взрыв в Европе во второй половине XIX века был, конечно, не столь мощным, как в развивающихся странах сто лет спустя, но все же достаточно заметным. Между 1850 и 1900 годами население Европы (без России) выросло почти в полтора раза, при том что несколько десятков миллионов европейцев эмигрировало за океан. Можно сказать, что в пору своей демографической модернизации европейцы накопили некоторый демографический запас, который оказался совсем не вредным впоследствии, в XX веке, когда мировой баланс населения стал быстро меняться.

Россия же упустила свой шанс и не смогла накопить ничего, хотя обычная для других стран асинхронная динамика рождаемости и смертности в период демографического перехода открывалась и здесь такую возможность. Главной причиной, по которой эта возможность оказалась нереализованной, стали огромные демографические потери¹, обусловленные разного рода социальными катаклизмами и кризисами.

Наибольший демографический урон нанесли стране трагические события российской/советской истории первой половины XX столетия — войны, голод, эпидемии, политические репрессии. Всякий раз они вызывали резкие подъемы смертности, спады рождаемости, в ряде случаев — массовую эмиграцию, причем масштабы этих демографических последствий были таковы, что дают все основания говорить о целой череде демографических катастроф. Как полагает автор книги о российских демографических катастрофах и кризисах В. Исупов, сам термин «демографическая катастрофа» имеет российское происхождение и был введен в научный оборот А. Чупровым в начале 1920-х годов для характеристики ситуации, сложившейся в России в период Первой мировой войны (Исупов 2000: 9).

Увы, этот термин оказывается очень полезным при анализе целой эпохи отечественной истории, продолжавшейся четыре десятилетия — с 1914 по 1953 год. Эти четыре десятилетия, в свою очередь, можно разделить на несколько периодов, хотя четко разграничить их удается далеко не всегда — катастрофические события порой сливаются друг

1

Под общими демографическими потерями обычно понимают вызванное пертурбационными обстоятельствами сокращение численности населения по сравнению с той его численностью, которая имела бы место при отсутствии пертурбаций. При этом учитывается как избыточная (по сравнению с «нормальной») убыль населения вследствие смертности и миграции — в этом случае говорят о людских потерях, так и число несостоявшихся рождений. Представляется логичным отнести к категории потерь также и людские потери от высокой смертности в последней трети XX века.

с другом, следуют одно за другим без всякого перерыва. Более или менее отчетливо выделяется и может быть рассмотрен особо первый период — 1914–1926 годы. Что же касается последующих периодов — 1927–1939, 1940–1945 и 1946–1953 годов, то, хотя они существенно различались по набору катастрофических факторов и характеру их действия, в них было и много общего, ряд факторов действовал непрерывно, так что все три периода приходится рассматривать единым блоком.

19.1 От начала Первой мировой войны до переписи населения 1926 года

Перепись населения 1926 года подвела демографические итоги социальных потрясений времен революции, мировой и Гражданской войн, когда страна несла все виды демографических потерь, обусловленных множеством факторов. Отграничить действие каждого из них, равно как и связать его с тем или иным видом потерь едва ли возможно, все они тесно переплетались между собой, что лишь усиливало общий пагубный эффект. Но все же определенное разграничение потерь необходимо — чтобы хотя бы приблизительно понять, из чего мог складываться конечный результат.

19.1.1 Военные действия

Прямые потери непосредственно от военных действий в этот период связаны с Первой мировой и Гражданской войнами.

В. Исупов, завершая обзор довольно большого количества исследований потерь вооруженных сил России в Первой мировой войне, приходит к выводу, что «получить точные данные о потерях русской армии в кровопролитных сражениях Первой мировой войны уже практически невозможно», и предлагает «условно считать, что Россия в годы Первой мировой войны потеряла убитыми и умершими от разных причин от 1,5 до 1,8 млн. солдат и офицеров» (Исупов 2000: 55). Эта оценка не противоречит подсчетам, выполненным ранее и содержащимся, в частности, в работах Л. Каминского и С. Новосельского — 1,5–1,7 млн. человек (Каминский, Новосельский 1947: 60), Б. Урланиса — 1,8 млн. (Урланис 1960: 381), или в намного более раннем, опубликованном в 1931 году исследовании Н. Головина — 1,86 млн. (Golovine 1931: 103; Lorimer 1946: 40; Головин 1993: 55–59). Но все же нельзя не отметить, что в недавнем исследовании военных историков общие (боевые и неболевые) потери российской армии в Первой мировой войне оцениваются иначе, они определены в 2,25 млн. человек (Россия 2001: 100).

По их же расчетам, людские потери среди военнослужащих Красной армии в ходе Гражданской войны составили 981 тыс. человек (Там же, 149). Потери противоположной стороны были, видимо, не меньшими, так что общая величина прямых военных потерь была примерно вдвое большей, — Ю. Поляков оценил их в 2,5 млн. человек (Поляков 1986: 104). Но были еще потери различных нерегулярных вооруженных формирований, партизан, мятежных отрядов, военных сил местных национальных правительств и государственных образований и т.п. С учетом всего авторы трехтомного издания «Население России в XX веке» определяют общие потери вооруженных сил за время Гражданской

войны «со значительной долей условности» в 2,5–3,3 млн. человек (Население России в XX веке 2000: 97).

Все эти приблизительные оценки, дающие представление о порядке величин, позволяют указать лишь примерную «вилку» армейских потерь в Первой мировой и Гражданской войнах — 4–5,5 млн. человек. Но кроме того, были еще и очень большие потери среди гражданского населения вследствие голода и эпидемий, которые также должны войти в счет прямых людских потерь этого периода.

19.1.2 Голод

Еще не окончилась Гражданская война, когда значительную часть территории страны охватил голод. Как утверждает С. Адамец, это был лишь самый пик голода, «массовый голод начался не после засухи

1921 и не прекратился после сбора урожая 1922 года. Он растянулся на 3 года, начиная с лета 1920, чему предшествовали локальные вспышки голода в отдельных районах и городах во время Гражданской войны. Когда же голод достиг своей высшей точки, бедствие — в пределах бывшей Российской империи или будущего СССР — охватило территорию, на которой проживало 65 млн. человек². В это время нехваткой продовольствия «было затронуто около 30 млн. человек, которые нуждались в срочной помощи» (Adamets 2003: 150)³.

Страна была разорена, и, несмотря на меры помощи голодающим, предпринимавшиеся и правительством страны, и международными организациями, людские потери от этого голода были очень велики, хотя их точные размеры неизвестны. Имеющая довольно широкое хождение оценка потерь только от «главного» голода 1921–1922 годов — без учета подъемов смертности от голода в 1918–1920 годов — в 5 млн. человек, попавшая даже в первое издание Большой советской энциклопедии (Мстиславский 1930: 463; Струмилин 1964: 34), по мнению С. Максудова, сильно завышена (Максудов 1989: 186). Но и слишком низкая оценка этих потерь — 1 млн. погибших от голода и болезней к весне 1922 года (Поляков 1975: 80, 90, 93; Население России в XX веке 2000: 133) при десятках миллионах голодавших, кажется мало правдоподобной.

² Это самая высокая из имеющихся оценок. Вскоре после окончания голода говорили о 33,5 млн. и даже более, чем 40 млн., в РСФСР и на Украине (Бухман 1923: 88). Современные российские исследователи полагают, что численность населения пораженных голодом районов в РСФСР и на Украине «доходила до 35 млн. человек» (Население России в XX веке 2000: 131). Но голод затронул также закавказские республики и некоторые районы Средней Азии.

³ В оценке числа голодающих тоже имеются значительные разночтения. М. Калинин на Девятом съезде советов в 1921 году говорил о 27–28 млн. голодающих (не менее 22 млн. по данным Центральной комиссии помощи голодающим и еще 5 млн. человек, близких к голоду). Авторы «Населения России в XX веке» полагают, что эту «широко распространенную в литературе цифру... следует признать завышенной» (Население России в XX веке 2000: 131).

19.1.3 Эпидемии

Эпидемии в России в XX веке возникали на фоне других социальных катастроф и во многом были порождены ими. Но в некоторых случаях они достигали такого размаха, что не просто приобретали самостоятельное значение и относительно независимую динамику, но оказывались более смертоносными, чем вызвавшие их бедствия.

Так было, в частности, в период Гражданской войны и последовавшего за ней голода, причем демографические последствия эпидемий этого периода часто недооцениваются. Утверждается, например, что

«за три года Гражданской войны [1918–1920] безвозвратные потери от острых инфекционных болезней превысили 2 млн. человек» (Население России в XX веке 2000: 102; правда, делается оговорка, что в эту цифру не входят люди, ослабленные инфекционным заболеванием, но умершие какое-то время спустя после выздоровления). Эта оценка примерно соответствует числу умерших в эти годы от различных форм тифа, дизентерии, холеры и оспы по 55 губерниям европейской части СССР (2,1 млн. человек) (Волков 1930: 190–191). Но одновременно резко выросла смертность и от других инфекционных заболеваний — малярии, почти всех детских болезней. Кроме того, эти данные относятся не ко всему интересующему нас периоду и не ко всей территории страны.

Выполненное сравнительно недавно исследование С. Адамца приводит к совершенно иным результатам. «За 1918–1922 годы двенадцать эпидемических и паразитарных болезней [сыпной тиф, брюшной тиф, возвратный тиф, неопределенный тиф, оспа, дифтерия, холера, малярия, дизентерия, корь, скарлатина и коклюш] обусловили около 9 млн. смертей, в том числе почти 4 млн. от сыпного тифа, около 1,5 млн. — от других видов тифа, 2,5 млн. — от малярии, более полумиллиона — от дизентерии» (Adamets 2003: 231). Если бы смертность от этих болезней соответствовала довоенному уровню (300–350 тыс. смертей ежегодно), то за пять лет от них умерло бы примерно 1,5–1,8 млн. человек. Следовательно, не менее 7 млн. — это избыточные смерти, вызванные эпидемическим кризисом, в том числе по 2 млн. в 1919 и 1920 годах, 1,3 млн. — в 1921 и 1,4 млн. — в 1922 году (Там же, 231).

19.1.4 Террор и политические репрессии

Первые годы советской истории были отмечены кровавыми вспышками «красного» и «белого террора», число жертв которого очень трудно оценить. Репрессивные акты различных властей часто переплетались с военными действиями, были как бы их продолжением. Смертная казнь как форма репрессии против гражданского населения, скажем сразу после захвата города «красными» или «белыми» войсками, нередко рассматривалась как нечто вроде продолжения боя, когда убийство противника не требует никакого юридического оформления, вынесения приговора и т.п. Поэтому значительная часть расстрелов, повешений, убийств в ходе погромов, уничтожения заложников, совершавшихся войсками обеих сторон, скорее всего, не попала ни в какую статистику и осталась неучтенной.

Смертная казнь, отмененная после Февральской революции, частично восстановленная Керенским для фронтовой полосы и снова отмененная Вторым съездом советов 26 октября (8 ноября) 1917 года, уже через несколько месяцев — в июне 1918 года — опять была восстановлена специальным постановлением Наркомюста РСФСР, хотя в ограниченных масштабах она применялась и до этого, несмотря на отмену. А в постановлении СНК РСФСР от 5 сентября 1918 года «О красном терроре» уже прямо говорилось, что расстрелу подлежат «все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам» (ГУЛАГ 2000: 15).

Новые правила заработали очень быстро, расстрел как «высшая мера социальной защиты» во время Гражданской войны стал обыден-

ностью. Смертная казнь за малейшее несогласие с властью считалась достаточно заурядным делом. Практика применения смертной казни в годы революции и гражданской войны, несомненно, была намного шире, чем об этом говорят любые официальные архивы. Часто расстреливали вообще без всякого суда и следствия. Расстрел очень быстро превратился в способ решения властью заурядных текущих вопросов. «В тех местностях, где расчистка снега производится не вполне удовлетворительно [речь идет о расчистке железнодорожных путей]..., взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны», — гласило, например, постановление Совета обороны от 15 февраля 1919 года (Верт 1999: 111).

Правда, предпринимались и попытки отмены смертной казни, со-ответствующее постановление было принято, в частности, ВЦИК и СНК 17 января 1920 года. Однако долго существовать без этого инструмента правосудия власть, видимо, не могла. Революционные военные трибуналы продолжали приговаривать к расстрелу, в том же 1920 году было вынесено 6541 таких приговоров (Шишов 2001). Несмотря на постоянное подчеркивание временного характера смертной казни как меры наказания, она сохранялась и в последующих законодательных актах на протяжении почти всего советского периода.

Разумеется, судить об общем количестве казненных чрезвычайно сложно. Имеющиеся более или менее официальные сведения весьма ненадежны. С. Мельгунов приводит опубликованные одним из руководителей ВЧК М. Лацисом данные о том, что в 1918 году по приговорам ЧК было расстреляно 6185 человек, в 1919 — 3465. Только за второе полугодие 1918 года ВЧК, по сообщению Лациса, расстреляла 4500 человек. Но сам С. Мельгунов вел картотеку расстрелов, о которых можно было узнать из доступных ему газет, и у него за то же время накопилось 50 тыс. карточек расстрелянных (Мельгунов 1990: 44–45). Едва ли более надежны и ставшие достоянием гласности в последние десятилетия архивные данные о расстрельных приговорах по делам органов ЧК (9701 — в 1921 году, 1962 — в 1922-м, 414 — в 1923-м, 2550 — в 1924-м, 2433 — в 1925-м) (Попов 1992: 28; ГУЛАГ 2000: 432–433).

По утверждению Н. Верта, сведения прессы позволяют считать, что только жертв «красного террора» осенью 1918 года «было никак не меньше 10–15 тысяч» — «за два месяца ВЧК казнила в два или три раза

больше людей, чем приговорила к смертной казни царская Россия за 92 года» (Верт 1999: 100)⁴. Но если принять во внимание неполноту информации о числе погибших вследствие прямых репрессивных действий или попуститель-ства «народному гневу» со стороны всех властей, то, скорее всего, число казненных по политическим мотивам или, во всяком случае, под прикрытием политических, «классо-вых» и тому подобных лозунгов за все время Гражданской войны было намного больше. С. Мельгунов приводит огромное количество свидетельствующих об этом разроз-ненных фактов, но, кроме того, он сообщает о том, что соз-

данная Деникиным специальная комиссия по расследованию деяний большевиков насчитала 1,7 млн. жертв «красного террора» (Мельгунов 1990: 87–88). Постсоветские историки утверждают, что эта «широко используемая в средствах массовой информации с конца 1980-х годов цифра... не имеет никаких научных оснований» (Население России

4

⁴С 1825 по 1917 год число смертных приговоров, вынесенных судами дореволюционной России (включая военные суды) по так называемым „политическим преступлениям“ достигло за 92 года цифры 6360, при максимуме в 1310 приговоренных к смерти в 1906 году, в первый год реакции после революции 1905 года» (Верт 1999: 100).

в XX веке 2000: 98). Может быть, это и так, но есть ли научные основания возражать против нее? Кто из возражавших работал с протоколами денкинской комиссии? И можно ли удовлетвориться указанием на несколько тысяч или даже десятков тысяч казненных в стране с населением в 150 млн. человек, которая на несколько лет погрузилась в пучину полного беззакония и произвола сменявших друг друга властей?

Разумеется, все это относится не только к «красному», но и к «белому террору», информация о котором в советской литературе часто приводилась с гораздо меньшей требовательностью к ее научной обоснованности. Его жертвы тоже исчисляются не единицами и даже не тысячами.

А кроме того, существовал и вооруженный терроризм, не имевший определенной «красной» или «белой» окраски. Например, несомненно связанные с общей ситуацией в стране и противостоянием политических сил этноконфессиональные конфликты. Они также внесли немалый вклад в демографическое разорение страны. Так, «продолжавшиеся три дня после захвата Баку в сентябре 1918 года турецко-муссаватистскими войсками погромы привели к гибели около 30 тыс. мирных жителей» (Население России в XX веке 2000: 98). Еврейские погромы, по разным оценкам, привели к гибели от 70 тыс. до 180–200 тыс. и даже до 300 тыс. человек (Там же; Погромы 1992: 569). Впрочем, эти и подобные им данные, приводящиеся в научной литературе, тоже далеко не всегда надежно документированы.

19.1.5

Эмиграция

Революция и Гражданская война вызвали массовую безвозвратную эмиграцию из страны — в тех ее границах, которые установились ко времени образования СССР в 1922 году. Ее количественные оценки сильно колеблются — примерно от 800 тыс. до 3 млн. Известный статистик В. Михайловский полагал, что число русских за рубежом к началу 1920-х годов составило 3 млн. (Труды ЦСУ РСФСР 1921: 4). Сходные оценки приводились и в западных работах, в том числе и со ссылкой на эмигрантские источники. Так, Г. фон Римша называл 2935 тыс. беженцев из России на конец 1920 года. Он включал в это число 1964 тыс. беженцев в различных европейских странах, получавших помощь американского Красного креста, и, полагая, что такой помощью охвачено лишь 80% всех беженцев в этих странах, определял их общее число в 2455 тыс. К нему следовало добавить 130 тыс. беженцев из Крыма после разгрома Врангеля, еще не достигших Европы, 300 тыс. беженцев в Китае, 50 тыс. — в других странах, по которым не было данных (Rimscha 1924: 50–51).

Позднее Е. Волков приводил несколько иные данные, но они, видимо, охватывают более длительный период и учитывают, что часть беженцев возвратилась: «По данным комиссии Нансена при Эмиграционном бюро Совета Лиги наций, в государствах капиталистического мира выдано кругло до двух миллионов так называемых „нансеновских паспортов“ политическим белоэмигрантам из СССР». «От военного отхода периода империалистической войны за пределами СССР осело всего 191,3 тыс. душ» (Волков 1930: 185). Примерно ту же цифру — 2 млн. эмигрантов — со ссылкой на Е. Кулишера (Kulisher 1948), кото-

рый, в свою очередь, цитировал различные оценки, в том числе и приводившиеся в советской литературе, приводил и Дж. Симпсон. Но сам Симпсон полагал ее завышенной (Simpson 1939: 81).

В более поздней советской литературе также приводились более умеренные оценки. «Данные Лиги наций на август 1921 г. определяют численность эмигрантов из России в 1444 тыс. В том числе 650 тыс. в Польше, 300 тыс. в Германии, 250 тыс. во Франции, 50 тыс. в Югославии, 31 тыс. в Греции, 30 тыс. в Болгарии» (Поляков 1986: 118). По мнению Н. Струве, наиболее правдоподобные оценки находятся между 863 тыс. (данные Симпсона) и 1 127 415 (данные Международного бюро труда) (Struve 1996: 11).

Тем не менее сейчас большинство исследователей, приводя разные оценки, склоняется к тому, что число эмигрантов из России за интересующий нас период было близко к 2 млн. человек (Население России в XX веке 2000: 134–139; Adamets 2003: 284–285). В каком-то смысле эту цифру можно рассматривать и как официальную советскую оценку — именно ее, в частности, приводил В. Ленин⁵.

5
«Современная американская буржуазная пресса подорвала к себе доверие полностью. Вот тот враг, которому служат два миллиона русских эмигрантов за границей из среды помещиков и капиталистов» (Ленин 1974в: 126).

19.1.6 Общий итог

Прямое суммирование всех перечисленных выше видов потерь для получения их общей оценки мало продуктивно. Они определены слишком приблизительно, часто колеблются в пределах очень широкой «вилки» значений. К тому же суммирование неизбежно приводит к появлению элементов двойного счета. Скажем, потери от эпидемий частично учтены в потерях вооруженных сил, поскольку солдаты и офицеры также умирали от эпидемических болезней. Поэтому, да и в силу всех других сделанных ранее оговорок, речь может идти не о точных цифрах, а лишь о порядке величин.

Другой, тоже не безупречный, но в каком-то смысле более надежный способ — исчисление потерь методом демографического баланса, при котором фактическая численность населения к концу рассматриваемого периода сравнивается с гипотетической, т.е. такой, какой она могла бы быть при отсутствии экстраординарных потерь.

Оба метода дополняют друг друга. Изучение информации об отдельных видах потерь важно для понимания обусловивших их реальных процессов, для анализа структуры потерь по их причинам, для суждения о большем или меньшем правдоподобии результатов, полученных расчетным путем. Так, в свое время, Ф. Лоример методом баланса оценил демографические потери населения России за 1914–1926 годы в 28 млн. человек (допуская «вилку» от 25 до 30 млн.), а затем, учитывая доступную ему информацию, представил структуру этих потерь: 18 млн. — людские потери (14 млн. — избыточная смертность гражданского населения, 2 млн. — гибель военных, 2 млн. — эмиграция), и 10 млн. — дефицит рождений (Logimer 1946: 36–41).

Приведем некоторые из появившихся в разное время обобщенных оценок демографических и людских потерь России в 1914–1926 годах (табл. 19.1).

Таблица 19.1. Некоторые оценки потерь населения Российской империи и СССР вследствие Первой мировой и Гражданской войн, 1914–1926

Автор оценки	Дата публикации оценки	Период, к которому относится оценка	Потери, млн. человек	
			Людские (повышенная смертность и эмиграция)	Демографические (повышенная смертность, эмиграция и несостоявшиеся рождения)
С. Струмилин	1921–1922	1914–1920	14,3*	21
Ф. Лоример	1946	1914–1926	18	28
Е. Кулишер	1948	1914–1922	13,75	
А. Боярский	1958–1975	1915–1923	12**	21–22
Б. Урланис	1968	1917–1920	10–12	
		1914–1926	14,5–16***	
С. Максудов	1977	1914–1922	13,8	
Ю. Поляков	1986	1914–1922		25
В. Исупов	2000	1918–1922		21,8
С. Адамец	2003	1918–1923	17,1*	

* Только поколения, имевшие в конце 1920 года возраст от 16 до 49 лет.   ** Без учета эмиграции.   полнен М. Денисенко
 *** Пересчет данных Урланиса за 1914–1926 годы выведен (Денисенко 1997: 96).

Источники: Logiter 1946: 41; Струмилин 1964: 28; Денисенко 1997: 96; Максудов 1989: 187; Народнонаселение 1994: 344; Исупов 2000: 68; Adamets 2003: 276–277.

Обращает на себя внимание наиболее поздняя по времени и самая высокая оценка людских потерь С. Адамцом. Она относится только к периоду с 1918 года и не включает потери от повышенной смертности в ходе Первой мировой войны (2–3 млн. человек) и от эмиграции. Если добавить и эти потери, то общая оценка людских потерь за весь период между 1914 и 1926 годами, повышается до 21–22 млн. человек. Впрочем, она не слишком сильно отличается от оценки, сделанной еще Ф. Лоримером (18 млн. человек, при том, что Лоример допускал отклонение от нее на 2–3 млн. в ту или иную сторону).

19.2 От «великого перелома» до смерти Сталина

Этот период демографических катастроф охватывает примерно четверть века и распадается на три подпериода: 1927–1939, 1940–1945 и 1946–1953.

В качестве замыкающего года первого подпериода выбран 1939 (а не 1940-й, последний предвоенный) год, потому что в начале 1939 года была проведена Всесоюзная перепись населения, а в сентябре того же года за счет присоединения Западной Украины, Западной Белоруссии, Латвии, Литвы и Эстонии существенно изменились границы СССР и в 1940 год страна вступила уже с иным по численности и составу населением. Соответственно 1940 год отнесен уже ко второму подпериоду, главным событием которого стала война. С ее окончанием начался третий подпериод, по видимости мирный, а по существу — тоже катастрофичный: он сопровождался неоправданными для мирного времени потерями. Главными источниками их стали голод и политические или квазиполитические репрессии.

19.2.1 Голод

К концу 1920-х годов советская деревня — российская, украинская и т.д. — оправилась после тяжелейших лет Гражданской войны и зажила,

по-видимому, даже лучше, чем до революции. Но благоденствие продолжалось недолго.

Развернутая в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х годов индустриализация требовала громадных затрат и миллионов рабочих рук. Источником и того и другого стала деревня — подвергнутая коллективизации сельского хозяйства и раскулачиванию, сопровождавшемуся изъятием имущества и высылкой семей «кулаков» в необжитые края.

В 1930 году в результате возросшего изъятия сельскохозяйственной продукции крестьяне во многих районах страны снова стали испытывать продовольственные трудности. Уже в это время, «по существу, воспроизводилась памятная всем продрозверстка. Юридически система обязательных поставок будет оформлена в начале 1933 года, но практически в массовом масштабе она стала осуществляться с хлебозаготовок из урожая 1929 года, переросших в раскулачивание» (Советская деревня 2003: 22). В 1931–1932 годах на фоне повторяющихся волнами репрессий, высылки и коллективизации во все возрастающих размерах шли хлебозаготовки и реквизиции. Они проводились с целью умножения государственных запасов и экспорта хлеба в обмен на западные технологии и машины. Если в 1928 году заготовки поглотили приблизительно 15% собранного урожая, то в 1930-м их доля подскочила до 26% и продолжала расти в последующие годы, достигнув в среднем по стране 33% в 1931-м и 34,1% в 1933 году. В хлебобородных же районах, таких как некоторые области Украины или Северного Кавказа, государство уже в 1931–1932 годах конфисковало почти половину урожая (Документы 1989: 40), несмотря на то, что в 1931 году ряд хлебопроизводящих районов был поражен засухой. Вывоз зерна за рубеж в 1931 году даже увеличился: 48,4 млн. центнеров — в 1930 году и 51,8 млн. центнеров — в 1931-м (Население России в XX веке 2000: 266).

В конце концов, в результате ежегодно повторяющегося вывоза зерна из крестьянских хозяйств, колхозов и совхозов в течение 1930–1932 годов, деревня осталась без хлеба, и летом 1932 года в производящих зерновых районах Украины, Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, Южного Урала, Западной Сибири и Казахстана разразился голод. В отличие от пережитого на исходе Гражданской войны голода 1921–1922 годов, голод 1932–1933 годов, вспыхнувший в мирное время после нескольких довольно благополучных лет, правящая верхушка СССР считала сугубо внутренним делом и всячески скрывала его от Запада. О зарубежной помощи пострадавшим, подобной той, какая оказывалась в 1921–1922 годах, не было речи, а крестьяне голодающих районов были лишены возможности искать спасения в более благополучных краях.

В январе 1933 года Сталин и Молотов направили партийным, советским и карательным органам ряда районов страны директиву, в которой предписывалось не допускать начавшегося массового выезда крестьян с Украины и Кубани в Центрально-Черноземный район, на Волгу, в Московскую и Западную области, в Белоруссию. «Пробравшихся на север» надлежало немедленно арестовывать и после того, как будут выявлены «контрреволюционные элементы», выдворять на места их прежнего жительства.

К началу марта 1933 года, по данным ОГПУ, было задержано 219,5 тыс. таких человек, из которых 186,6 тыс. были возвращены до-

мой; остальные были привлечены к судебной ответственности (Население России в XX веке 2000: 266). В дальнейшем закрепощение крестьян было продолжено, и 17 марта 1933 года, в самый разгар голода, было принято постановление ЦИК и СНК СССР, согласно которому выход из колхоза допускался только с разрешения администрации на основе набора рабочей силы. Помимо этого принимались меры и полицейского характера. Территории, пораженные голодом, окружались войсками кордонами, и население не выпускалось за их пределы.

В результате, если до конца 1932 года люди еще как-то справлялись со все ухудшавшимся положением, то с наступлением нового, 1933 года и введением новых жестких государственных ограничений беда превратилась в катастрофу. Голод охватил огромные территории, повсеместно приобретал крайние формы.

На Западе сведения о разразившемся голоде появились практически сразу после его начала, но в СССР все, связанное с голодом 1932–1933 годов, долгое время было покрыто завесой тайны. Советский пропагандистский аппарат предпринимал огромные и не всегда успешные усилия, чтобы опровергнуть поступавшую из СССР информацию. Так, без большого труда удалось ввести в заблуждение приехавшего в СССР, чтобы проверить слухи о голоде, французского политического деятеля Эдуарда Эррио. Даже и позднее истинные масштабы голода не были известны, и лишь в конце 80-х годов XX века стали открываться советские архивы, и многие документы, в том числе статистические материалы по смертности в СССР за первую половину 1930-х годов, итоги Всесоюзной переписи 1937 года, стали доступны для анализа ученых⁶.

Тем не менее, и до этого на Западе было накоплено и опубликовано большое количество достоверных сведений о голоде начала 1930-х годов — воспоминаний и свидетельства очевидцев, архивных документов, в частности из захваченного немцами архива Смоленского обкома партии, и т.п. Особенно много публикаций появилось в связи с 50-й годовщиной этой катастрофы. В 1983 году в университете Квебека (Монреаль, Канада) состоялась первая специально посвященная голоду 30-х научная конференция, материалы которой были изданы в 1986 году, и в том же году в Великобритании вышла книга Роберта Конквеста «Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом» (Conquest 1986).

Миллионы людей погибли от голода, но миллионы выжили и запомнили этот страшный год на всю жизнь. К настоящему моменту о нем собрано огромное количество свидетельств⁷. Порой они кажутся преувеличением, ошибкой памяти. Но сходство картины, рисуемой всеми очевидцами, убеждает в том, что это не вымысел.

Недоедание (скрытая, латентная форма голода) охватило всю территорию СССР. Даже в относительно благополучных районах главными продуктами питания были картошка и низкокачественный хлеб, да и то в недостаточных количествах, не обеспечивавших физиологического минимума потребления. Дефицит продуктов ощущался и в крупных индустриальных центрах, поставленных на карточное снабжение продовольствием. Но сельским жителям зон острого голода скудное

6

Как писал известный австралийский исследователь С. Уиткрофт, многие годы занимавшийся проблемой демографических потерь от голода в СССР, он долгое время был уверен, что потери от голода 1932–1933 годов были меньшими, чем от голода 1921–1922 годов, но когда открылись архивы, вынужден был изменить свое мнение (Wheatcroft 1990: 358).

7

В качестве примера можно привести собранные в опубликованном в США трехтомнике свидетельства очевидцев, переживших голод 1932–1933 годов на Украине (Oral History Project 1990).

городское пропитание тех лет могло казаться невиданно изобильным. Что же они ели? «Правильнее спросить, чего они не ели. Желуди считались деликатесом; отруби, полова, мороженая свекла, листья сушеные и свежие, древесные опилки — все шло в ход, наполняя человеческие желудки. Кошки, собаки, вороны, дождевые черви и лягушки стали мясным рационом человека» (Максудов 1989: 62).

Не преувеличивают ли люди, рассказывающие о десятках и сотнях трупов, валявшихся на улицах и дорогах, о «фурах», свозивших их в братские могилы, если можно так назвать ямы, куда сваливали без разбора тела погибших от голода? Но вот, например, документ за подписью судебно-медицинского инспектора от 29 марта 1934 года, в которой сказано, что «трупным покоем г. Киева за 1933 г. всего принято подобранных по городу трупов 9472, из них зарегистрировано — 3991, не зарегистрировано — 5481 труп» (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Ед. хр. 132. Л. 67).

Можно ли верить постоянно повторяющимся рассказам о людоедстве, тем более что сами рассказчики в нем никогда не участвуют? Но вот приводимое С. Максудовым совершенно секретное распоряжение, разосланное всем начальникам областных и районных отделов ОГПУ, областным и районным прокурорам Украины, гласящее, что «все дела обвинения в людоедстве должны быть немедленно переданы местным органам ОГПУ. Если людоедству предшествовало убийство, предусмотренное ст. 142 УК, эти дела также должны быть изъяты из судов и следственных органов системы Наркомюста и переданы на рассмотрение коллегии ОГПУ в Москве» (Максудов 1989: 65). Такой документ едва ли мог бы появиться на свет, если бы людоедства не было или если бы оно ограничивалось единичными случаями.

Видимо, при самом критическом отношении к свидетельствам жертв и очевидцев голода, собранным не сразу по горячим следам события, а несколько десятилетий спустя, когда многое уже забылось или исказилось памятью, нельзя не признать, что в целом они рисуют верную картину страшной катастрофы 1933 года. Каково же было количество ее жертв?

Колоссальный рост смертности начался с февраля 1933 года, но все имеющиеся об этом данные были засекречены. Кроме того, далеко не все данные имелись даже и в органах государственной статистики. К концу 1920-х годов еще не все территории СССР были охвачены регулярной регистрацией рождений и смертей, а репрессии и голод 1929–1933 годов разрушили во многих регионах даже существовавшую несовершенную систему учета. Поэтому и сейчас всем исследователям масштабов и демографических последствий голода приходится опираться на неполные, отрывочные данные. Впрочем, и эти данные говорят о многом.

В архивах сохранились помесячные сведения о числе зарегистрированных смертей по некоторым территориям (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед. хр. 41). В них, конечно, тоже отразился недоучет смертей, но все же по этим документам можно твердо судить о том, что общее повышение смертности, начавшееся с 1929 года, в 1933 году превратилось в резкий взрывоподобный рост, который продолжался до лета 1934 года, т.е. до нового урожая. Так, в Киевской и Харьковской областях, по которым имеются такие сведения, в весенне-летние месяцы 1933 года смертность сельского населения выросла более чем в 6 раз при сравнительно не-

большом подъеме смертности горожан. Тысячи трупов, которые подбирали на улицах городов, были трупами крестьян, тщетно искавших спасения в относительно более сытых городах.

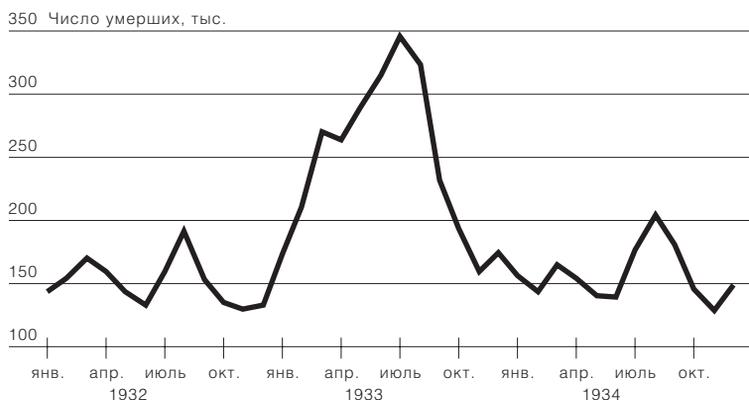
На рисунке 19.1 приведены данные о помесечном числе умерших в 1932–1934 годах в РСФСР, зафиксированном на тех ее территориях, где продолжалась регистрация (отчет представили 24 региона из более чем 40 входивших в состав России в этот период). В целом по России с осени 1932 года по июль 1933-го число умерших увеличилось более чем в 2,5 раза (на Украине максимальное число смертей пришлось на июнь 1933 года и превосходило соответствующее число осенних месяцев 1932 года более чем в 8 раз!).

Сильнее всего голод обрушился на главных кормильцев страны, охватил важнейшие зерновые районы СССР, прежде всего Украину, Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, Южный Урал, часть Сибири, Тамбовщину и Казахстан. По некоторым оценкам, в общей сложности в стране голодало не менее 30 млн. крестьян (Население России в XX веке 2000: 266), но иногда называют и более высокие цифры. Сколько погибло от голода в СССР и какая часть этих общих потерь относится к собственно России в ее нынешних границах?

Имеющаяся информация позволяет предположить, что относительные людские потери России были не самыми высокими в СССР. Отношение числа умерших в 1933 году к среднему числу умерших в 1932 и 1934 годах в регионах России варьировало от 1,1 в областях Сибири и Дальнего Востока до 2,6–2,7 в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Для Украины это отношение равно 3,2 и практически во всех областях оно выше максимальных значений по России. Тем не менее, и в России потери были далеко не маленькими.

Так как исследователям приходится иметь дело с неполными и ненадежными данными, каждый из них поневоле дает свою интерпретацию этих данных и вносит в них свои коррективы, что приводит к большому числу оценок, заметно различающихся между собой. Видимо, при нынешнем уровне знаний такие расхождения неизбежны.

Рисунок 19.1. Смертность в РСФСР, 1932–1934

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед. хр. 41.

Поскольку сейчас имеются более или менее достоверные оценки ежегодных чисел смертей за 1930-е годы, самое простое — это сопоставить число умиравших в стране в «обычные» годы до голода, с числом смертей в 1932–1933 годах. Такой прием использовал В. Цаплин для расчета избыточного числа смертей от голода в России (РСФСР). Опираясь на статистику загсов, он принял среднее число ежегодно умиравших в России в 1927–1931 годах в 2,6 млн. В 1932–1933 годах, по его данным, в год умирало, в среднем, 4 млн. человек. Отсюда оценка людских потерь от голода за два года — 2,8 млн. человек (Цаплин 1989: 178). Похожий результат дает и расчет на основе скорректированных данных официальной статистики тех лет, приводимых Андреевым и соавторами, — 2,8 млн. человек, правда, за 1931–1933 годы (Андреев, Дарский, Харькова 1998: 162), а потери только за 1933 год они оценивают в 2,3–2,4 млн. человек (Там же, 83).

Можно применить такую же логику для оценки потерь от голода населения всего СССР. По скорректированным данным, в 1927–1931 годах умирало, в среднем, за год 4,2 млн. человек, а в 1932–1933-м — 8,1 млн. (Андреев, Дарский, Харькова 1993: 118). Это означает, что избыточное число смертей за 1932–1933 годы составило 7,9 млн. — оценка, которая не слишком расходится со многими другими. Например, С. Максудов определял число смертей от голода в 9,8 млн. $\pm$ 3 млн. (Максудов 1989: 145–147, 154), Р. Конквест — в 8 млн. (Конквест 1989: 179–200), авторы «Населения России в XX веке» говорят о 7,2–10,8 млн. (Население России в XX веке 2000: 275–276). В то же время С. Уиткрофт, даже и после того как он пересмотрел свою оценку в сторону повышения, не поднял ее выше 4–5 млн. жертв голода (Wheatcroft 1990: 358).

Голод 1932–1933 годов был самым сильным, но не самым последним в истории СССР. Не удивительно, что его гражданам пришлось испытать голод во время войны 1941–1945 годов. Даже если не говорить о страшной трагедии блокированного Ленинграда, о голоде на разоренных и оккупированных территориях, голод, вызывавший алиментарную дистрофию, а во многих случаях и смерть, сопровождавшийся случаями людоедства и т.п., был зафиксирован во многих тыловых районах — от Центральной России до Дальнего Востока (Вылцан 1995).

Наконец, голод снова вернулся в Россию уже в послевоенные 1946–1947 годы. Он стал результатом засухи 1946 года, «возможно, превосходившей по своим климатическим параметрам засуху 1921 г.» (Исупов 2000: 219). Но исследователи полагают, что голода все же можно было избежать, если бы не политика сталинского руководства, направленная на то, чтобы любой ценой нарастить военную мощь, сохранить и увеличить стратегические запасы продовольствия (Там же; Ellman 2000). «Подавляющая часть имевшихся в стране ресурсов, как и прежде, вкладывалась в тяжелую промышленность и военно-промышленный комплекс. Перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность не прекратилась и после окончания войны... Если до войны „людей съели машины“, то теперь — атомная бомба и баллистическая ракета» (Исупов 2000: 220). Несмотря на резкое сокращение урожая, СССР вывозил зерно в Восточную и даже в Западную Европу (Зима 1996: 149) и не прибегал ни к какой международной помощи.

Голод начался в декабре 1946 года и продолжался до сбора урожая 1947-го. Пытаясь одолеть затруднения с продовольствием, правительство лишило хлебных карточек более 28 млн. человек, а для ряда сохранивших карточки категорий уменьшило нормы выдачи хлеба. Результатом стало массовое распространение алиментарной дистрофии, всплеск инфекционной и желудочно-кишечной заболеваемости и, конечно, подъем смертности и ухудшение всех остальных демографических показателей.

На фоне всплеск голода, пережитых страной в 1921–1922 и 1932–1933 годах, послевоенный голод 1946–1947 годов по своим последствиям может показаться не особенно значительным. Вызванные им потери были в известной степени ограничены тем, что, несмотря на рост заболеваемости, удалось избежать крупных эпидемий, благодаря чему «демографический кризис в 1946–1947 годах так и не перерос в крупномасштабную демографическую катастрофу» (Исупов 2000: 226).

Тем не менее, голод 1946–1947 годов был достаточно серьезным бедствием. Он привел к замедлению роста, а иногда и сокращению численности населения ряда республик СССР; на протяжении первых месяцев 1947 года сокращалось и население России (Там же, 227).

Существует несколько оценок людских потерь вследствие избыточной смертности от голода и сопутствовавшего подъема заболеваемости в 1946–1947 годах: не менее 2 млн. человек для всего СССР (Зима 1996: 179), 1 млн. человек только для РСФСР (Попов 1994: 87). В. Исупов считает эти оценки завышенными, согласно его подсчетам, избыточное число смертей по СССР в целом в 1947 году составило 0,8 млн. (Исупов 2000: 226). Этот исследователь получает свою оценку, сравнивая числа умерших в 1947 (3518 тыс.) и в 1946 (2710 тыс.) годах и считая смертность 1946 года «нормальной». Однако действительно ли она соответствовала «норме»? Ведь в конце 1946 года голод уже начался. В 1948 году, несмотря на то, что могло еще сказываться «последствие» голода, число умерших (2369 тыс.) было на 341 тыс. меньше, чем в «нормальном» 1946 году. Таким образом, и для 1947 года потери, видимо, были большими, а к ним надо еще прибавить потери 1946 года. Представляется, что приблизительная оценка потерь от повышенной смертности в 1946–1947 годах для СССР в целом в 1 млн. человек может рассматриваться как минимальная.

19.2.2 Политические репрессии

Карать, не только карать, а карать по-настоящему, чтобы на том свете был замечен прирост населения, благодаря деятельности нашего ГПУ.

С. КИРОВ

Вторым важнейшим источником демографических потерь 1927–1953 годов стали массовые политические или квазиполитические репрессии.

Как бы ни относиться к политическим и связанным с ними репрессиям времен революции и Гражданской войны, ясно, что это было время трагического раскола страны, открытой борьбы, вооруженного противостояния сторон, а такое противостояние никогда не обходится без жертв.

С репрессиями 1930–1950-х годов дело обстояло иначе. Конечно, генетически они выросли из репрессий первых послереволюционных

Надо было обладать совершенно извращенным сознанием, чтобы дать этой цифре следующее истолкование: «Около 845 тысяч — таковы масштабы так называемых необоснованных репрессий» (Хорев 1992). Вообще, как только хоть какая-то информация о массовых незаконных репрессиях стала появляться на страницах общедоступной прессы, обнаружилось множество пытавшихся заглушить ее борцов за правду и обличителей лжи. «Солженицын писал со слов других, т.е., как говорят, с лагерных анекдотов. Анекдотом же обычно называют вранье» (Дугин, Малыгин 1991: 66), — такие и подобные комментарии содержала одна из первых статей, анализировавших якобы подлинные документы «органов» о репрессиях.

лет, но в мирное время, особенно начиная с 1929 года, они достигли особого размаха и проводились в массовых масштабах и с необъяснимой жестокостью до самой смерти Сталина в 1953 году. При этом они распространялись в основном на совершенно невинных людей. В появившемся однажды официальном сообщении КГБ СССР говорилось, что «в 1988–1989 годах Комитетом государственной безопасности СССР совместно с Прокуратурой СССР... пересмотрены дела на 856 582 человека, по ним реабилитировано 844 740 человек» (В Комитете 1990), т.е. по *пересмотренным* делам почти 99% осужденных оказались невинными⁸. Остальное, видимо, еще только предстоит пересмотреть — скорее всего, с таким же результатом.

Попытаемся оценить масштабы репрессий и их демографических последствий за период с конца 1920-х до 1953 года.

Можно выделить три главных вида репрессий, имевших прямые демографические последствия, хотя, вероятно, и они не покрывают всех возможных проявлений и следствий репрессивной политики советского государства, по крайней мере, до середины 1950-х годов. К ним относятся массовое применение смертной казни, заключение миллионов людей в тюрьмы и лагеря и массовые депортации.

19.2.2.1 «Высшая мера наказания»

Как и в годы революции и Гражданской войны, одной из наиболее распространенных форм репрессий в «мирные» 1930-е годы стала смертная казнь, которая применялась в это время так часто, что даже расстрельный террор послереволюционных лет на этом фоне кажется вполне умеренным. Власть просто опьянела от крови и стала использовать опыт эпохи «военного коммунизма» в немыслимых масштабах. Мало того, что она вдруг обнаружила сотни тысяч заслуживающих смертной казни «врагов народа» даже в своих собственных рядах, она сделала смертную казнь обычным видом массовых обезличенных репрессий («по разнарядке»), рядовой мерой наказания.

Так, в преддверии наступающего голода, 7 августа 1932 года, принимается печально знаменитый закон «о трех колосках», который затем «получает все более и более расширительное толкование. Он становится стандартной мерой наказания для сельских жителей. Нарушения, которые еще два-три года назад могли повлечь за собой штраф, теперь караются расстрелом или 10 годами тюремного заключения» (Максудов 1989: 293). Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года с невинным названием «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» в категорической форме требовало «применять в качестве меры судебной репрессии за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте... за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества... высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества, с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже

то лет с конфискацией имущества» и запрещало применять амнистию к преступникам, осужденным по таким делам. А дабы местные власти не считали какие-либо нарушения слишком незначительными, чтобы за них расстреливать, верховная власть все время давала дополнительные разъяснения. «В целях борьбы с хищением свеклы во время копки и сбора... в отношении лиц, расхищающих свеклу, применять постановление Центрального Исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР от 7 августа 1932 г.» (Постановление СНК СССР от 17 сентября 1932 года). «Применять к лицам, уличенным в саботаже сельскохозяйственных работ, краже семян во вредительском преуменьшении норм высева, вредительской работе по пахоте и севу, ведущей к порче полей и снижению урожая, в умышленной поломке тракторов и машин, в уничтожении лошадей, — как к расхитителям колхозной собственности постановление от 7 августа 1932 года» (Постановление ЦИК СССР от 30 января 1933 года; цит. по: Максудов 1989: 292–293). Действовал ли этот указ на самом деле? Еще как! Только в РСФСР по нему было осуждено в 1932–1939 годах 183 тыс. человек, в том числе только в 1933-м — 103,4 тыс. (Попов 1992: 26).

В периоды обострения репрессий центральная власть выдавала просто «квоты» на расстрел. Так, в конце июля 1937 года был издан приказ НКВД (№ 00447 от 30 июля) «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»⁹, который представлял собой разнарядку по всем административным районам страны на арест, в том числе и с последующим расстрелом, заранее определенно-го (в круглых цифрах: 2000, 4000 и т.п.) числа людей. Всего следовало арестовать 259 450 человек и чуть не каждый четвертого из них (72 950 человек) надлежало расстрелять. На составление списков тех, кто подлежал расстрелу или заключению, отводилось пять дней (ГУЛАГ 2000: 96–104). Приказ давал право местным руководителям запрашивать разрешение Центра на составление дополнительных списков, но не возбранялось и уменьшать их. «С конца августа Политбюро было буквально завалено просьбами о повышении квот. С 28 августа по 15 декабря 1937 года оно утвердило различные предложения по дополнительному увеличению квот в общем на 22 500 человек на расстрел и на 16 800 на заключение в лагеря» (Верт 1999: 191). Однако местные власти все никак не могли успокоиться, просили новых квот и получали их. Так, в последний день 1938 года Политбюро сооблаговолило разрешить казнь еще 48 000 человек. «Операция, которая должна была длиться четыре месяца, растянулась более чем на год и коснулась 200 000 человек сверх тех квот, которые были оговорены вначале» (Там же; Khlevniouk 1996: 208–210).

Сколько же всего людей было казнено с конца 1920-х до 1954 года? Официально признано, что «в 1930–1953 годы по обвинению в контрреволюционных, государственных преступлениях судебными и всякого рода несудебными органами вынесены приговоры и постановления в отношении 3 778 234 человек, из них 786 098 человек расстреляно» (В Комитете 1990). Эти цифры достаточно близки к данным о вынесенных приговорах — всего за 1930–1953 годы осуждено по делам ОГПУ–НКВД–МВД 3 851 443 человека, в том числе 776 082 приговорено к высшей мере наказания (а за 1923–1953 годы — 799 473) (Попов

9

Он был подготовлен во исполнение решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 года, в котором органам НКВД предлагалось «взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки».

Источники этих данных — справка МВД СССР, направленная Г. Маленкову и Н. Хрущеву 5 января 1954 года.

11

Справка за подписью генерального прокурора, министров внутренних дел и юстиции, представленная Н. Хрущеву в феврале 1954 года. Отношение исследователей к этой задачке разнится. В. Земсков почтительно называет ее «официальным государственным документом» (Земсков 1991а, б: 13). Антонов-Овсеевко же без всякой почтительности утверждает, что «в начале 1954-го, когда лубянские летописцы сочиняли эту докладную, партийные верхи еще не отошли от сталинского гипноза» (Антонов-Овсеевко 1996: 4). Общее число осужденных в этой справке (3 777 380) и в сообщении КГБ (3 778 234) практически совпадает, но только в первом случае относится к 1921–1953 годам, а во втором — к 1930–1953-му. Такие «мелкие» расхождения в официальных данных встречаются на каждом шагу.

12

Позднее проводилось еще несколько расследований с неясными результатами, было поставлено под сомнение число захороненных (называлась цифра 7 тыс.), и одновременно в разных изданиях стала усиленно разрабатываться версия, согласно которой, на самом деле, в Куропатах были обнаружены жертвы немецких расстрелов времен войны. Напомним, однако, что в 1942–1945 гг. в СССР действовала чрезвычайная государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, имевшая свои отделения в каждой республике и в каждой области. Она расследовала все факты таких злодеяний по горячим следам, сразу после освобождения оккупированных территорий, скрупулезно собирала сведения, основанные на опросах свидетелей, допросах пленных, эксгумации захоронений и т. д. Могла ли она не заметить место массовых НЕМЕЦКИХ расстрелов на окраине Минска, даже если расстрелянных было «всего» 7 тысяч? Если бы это действительно было так, можно было бы полностью перечеркнуть все результаты работы этой комиссии.

1992: 28)¹⁰ — и заметно больше другой, тоже найденной в архивах оценки — 642 980 расстрелянных за период с 1921 по февраль 1954 года (Земсков 1991а, б: 12)¹¹.

Можно ли верить этим цифрам? Конечно, и 643 тыс. расстрелянных — это немало, а тем более — 786 или 800 тыс. — примерно вдвое больше, скажем, боевых потерь США во Второй мировой войне. Не исключено, однако, что эти цифры сильно преуменьшают число казненных. Нельзя не видеть, что архивные данные противоречивы; к тому же пока далеко не все архивы доступны исследователям.

Но ведь есть и иные источники информации. В 1988 году в Белоруссии появилась публикация, в которой говорилось об обнаружении в урочище Куропаты на окраине Минска тайного захоронения, в котором якобы находились останки более 200 тыс. расстрелянных. Правительственная комиссия БССР пришла к выводу, что в 1937–1941 годах здесь органами НКВД производились массовые расстрелы советских граждан, а представители генеральной прокуратуры сообщили, что в Куропатах «покоится не менее 30 тысяч граждан»¹². В справке, приведенной в «Ленинградском мартирологе», сообщается, что «с 1922 по июль 1937 г. в Петрограде-Ленинграде были расстреляны 2248 человек... С августа 1937 г. масштабы расстрелов резко увеличились. Тогда было создано Левашовское кладбище. Судя по актам о приведении приговоров в исполнение здесь погребены 46 771 человек, из них 40 485 человек расстреляны по политическим мотивам» (Ленинградский мартиролог 1995: 49–50).

Дажe несколько таких справок способны заставить усомниться в достоверности цифры в 786 тыс. расстрелянных по всему СССР за 1930–1953 годы — скорее всего, она сильно преуменьшена. Расстреливали ведь не только в Ленинграде и Минске. Кроме того, из воспоминаний узников ГУЛАГа известно, что лагерное начальство порой практиковало расстрелы или другие способы уничтожения заключенных — иногда просто для острастки — без всякого суда и следствия, и все такие случаи, конечно, не попадали ни в какую статистику казней.

А. Солженицын, ссылаясь на лагерные слухи, утверждал, что в 1939–1940 годах было расстреляно около миллиона человек (а по другим источникам, добавляет он, к 1 января 1939 года — 1 млн. 700 тыс.), и в свете имеющейся сейчас информации такие, основанные на слухах, оценки не кажутся неправдоподобными. А в годы войны, добавляет он, «по разным поводам применение смертной казни то расширялось..., то обогащалось по формам (с апреля 1943 года — указ о повешении)». «Об этих расстрелах — какой правовед, какой уголовный историк приведет нам проверенную статистику? Где тот спецхран, куда бы нам проникнуть и вычитать цифры?» («Архипелаг ГУЛАГ», ч. 1, гл. 11). Пока этот вопрос остается без ответа.

Среди скудных статистических данных о репрессиях первых десятилетий советской власти имеются данные о числе осужденных в Российской Федерации за 40 лет — с 1923 по 1953 год, т.е. после того, как закончились кровавые события революции и Гражданской войны. Оно оценивается в 40 млн. человек. Эта оценка «весьма приближительна и сильно занижена, но вполне отражает масштабы репрессивной государственной политики... Если из общей численности населения вычесть лиц до 14 лет и старше 60, как малоспособных к преступной деятельности, то выяснится, что в пределах жизни одного поколения — с 1923 по 1953 год — был осужден практически каждый третий дееспособный член общества» (Попов 1992: 22).

Число осужденных по СССР в целом было, разумеется, намного большим, чем только по России. Лишь за 8 послевоенных лет — с 1946 по 1953 год — по приговорам гражданских судов, «вступившим в законную силу», в СССР было осуждено свыше 12 млн. человек, из них почти 4,3 млн. — приговорены к лишению свободы (Там же, 23). При этом «характерной чертой послевоенных репрессий было... увеличение тяжести наказания. В 1940 г. народные суды приговорили на срок свыше 5 лет лишения свободы 2,1% всех осужденных, в 1946 г. — 4,0%, в 1947 г. — 18,1%, в 1948 г. — 29,2%» (Там же, 27).

Напомним, что в данном случае речь идет о гражданских судах, которые почти не рассматривали так называемые «контрреволюционные преступления», относившиеся к ведению органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МВД. Там была своя статистика: почти 4,1 млн. осужденных за 1921–1953 годы, в том числе около 4 млн. — за 1927–1953 годы. Из 4,1 млн. осужденных по делам «органов» около 800 тыс. было приговорено к расстрелу, свыше 2,6 млн. — к заключению в тюрьмах и лагерях, еще примерно 400 тыс. — к ссылке и высылке (ГУЛАГ 2000: 432–433).

Для того чтобы переварить огромное число людей, приговоренных к разным видам лишения или ограничения свободы, и была создана система ГУЛАГа, через которую прошли многие миллионы, если не десятки миллионов человек. Их точное число пока не известно, имеющиеся оценки оставляют место для разночтений, ко всем называемым цифрам приходится относиться с осторожностью.

Некоторые из них, несомненно, сильно преувеличены. Когда утверждают, например, что в 1937–1938 годах число заключенных ГУЛАГа составляло 16 млн. человек¹³, это кажется маловероятным.

Хотя в лагеря попадали женщины и даже дети, основную массу заключенных составляли все-таки мужчины. Но по официальным данным, возможно, завышенным, в начале 1939 года в СССР было всего 97,8 млн. человек в возрасте от 15 до 60 лет, в том числе 46,6 млн. мужчин (Всесоюзная перепись 1992: 28). Трудно допустить, что в это время в лагерях находился каждый третий мужчина, или каждый шестой взрослый житель страны.

С другой стороны, нельзя не остерегаться и сильно преуменьшенных оценок, которые появляются, в частности, тогда, когда речь идет лишь о числе заключенных за «контрреволюционные преступления», при том что и эти преступления трактовались советской властью очень широко. Например, как уже говорилось выше (раздел 6.4.2), в соответствии с людоедским правосознанием того времени репрессиям подвер-

13

Эта цифра часто повторяется. См., например: Антонов-Овсенко 1996: 5.

гались члены семей осужденных, женщины и даже дети — и уже без всякого суда. Эта норма действовала в 30-х годах и была подтверждена во время войны. Так, согласно директиве начальника Главного управления военных трибуналов № 003 486 от 26 октября 1942 года, «после утверждения военными советами приговоров на осужденных к В<ысшей> М<ере> Н<аказания> по ст. 58-1 „а“ и 58-1 „б“» (далее перечисляется 12 оснований для таких приговоров, которым подлежали, например, и те, кому вменялись «попытка к измене Родине и изменнические намерения», «добровольный уход с оккупационными войсками при освобождении захваченной противником территории», и даже «командиры и политработники, отступающие с боевых позиций без приказа свыше» или «во время боя срывающие с себя знаки различия и дезертирующие в тыл или сдающиеся в плен врагу») надлежало «по направлению копий приговоров по названным делам для исполнения — дела немедленно направлять в Главное управления военных трибуналов Н<ародного> К<омиссариата> Ю<стиции> СССР... на предмет репрессирования совершеннолетних членов семей осужденных...» (Сборник 1993: 96–97). В соответствии со специальным постановлением Государственного комитета обороны «О членах семей изменников Родине» от 24 июня 1942 года, «членами семьи изменника Родине считаются: отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с изменником Родине или находились на его иждивении к моменту совершения преступления или к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны» (Там же, 93–94). Таким образом, число фактически репрессированных в связи с преследованием так называемых «врагов народа» или «изменников родине», обвиняемых в контрреволюционных, государственных преступлениях, автоматически увеличивалось. Например, на начало 1939 года в лагерях НКВД находилось 1326 осужденных за измену родине (и не расстрелянных за это) и 13 192 члена семьи изменников родине (ГУЛАГ 2000: 418). В число заключенных входили и так называемые СОЭ (социально опасный элемент), которые не относились к числу осужденных за контрреволюционные преступления, хотя с некоторой натяжкой и их можно считать политическими заключенными.

Но при самом расширительном толковании «государственных и контрреволюционных преступлений» массовые репрессии затрагивали и большое число тех, кто не имел к ним никакого отношения и отбывал наказание за нарушение драконовских законов, само появление которых немислимо в правовом обществе. «Лагеря ГУЛАГа принимали не только политических заключенных, приговоренных за контрреволюционную деятельность по одному из пунктов знаменитой 58 статьи. Контингент „политических“ колебался и составлял то четверть, то треть всего состава заключенных ГУЛАГа. Другие заключенные тоже не были уголовниками в обычном смысле этого слова. Они попадали в лагерь по одному из многочисленных репрессивных законов, которыми были окружены практически все сферы деятельности. Законы касались „расхищения социалистической собственности“, „нарушения паспортного режима“, „хулиганства“, „спекуляции“, „самовольных отлучек с рабочего места“, „саботажа“ и „недобора минимального числа трудодней“ в колхозах. Большинство заключенных ГУЛАГа не были ни политическими, ни уголовниками в собственном смысле слова, а лишь обычными гражданами, жертвами полицейского подхода к трудовым отношениям и нормам социального поведения» (Верт 1999: 206–207).

Выше уже говорилось о постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «о колосках», согласно которому приговаривали либо к расстрелу, либо, в лучшем случае, к заключению не менее чем на 10 лет. Перед войной применение этого постановления «сходит на нет... Государство не стало реанимировать „закон о колосках“... Вместо этого 4 июня 1947 года был принят указ „Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества“. Только за один год в стране было осуждено около 200 тыс., а за восемь лет 1,3 млн. человек... Меры наказания по новому указу лишь немногим уступали предшествующему¹⁴: в 1947 г. к 5 годам лишения свободы было приговорено около 20% всех осужденных, свыше 5 и до 10 лет — 49,6%, 10 лет и выше получили 25,5%» (Попов 1992: 27). А ведь помимо постановления от 7 августа 1932 года или указа от 4 июня 1947 года было еще множество репрессивных установлений, например законы о «трудовой дисциплине» 1940 года.

Казалось бы, какая связь между осуждением за уголовные преступления и пребыванием в концентрационных лагерях, создававшихся для борьбы с «контрреволюцией» и подведомственных политической полиции — ВЧК, ГПУ и т.д.? Но для советской власти вообще было характерно использование средств и методов политических репрессий для решения самых разных задач, и едва ли не в первую очередь, — экономических. Уже в 1929 году по предложению специальной комиссии Политбюро Совнарком принял секретное постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», которое предписывало осужденных обычными судебными органами к лишению свободы на три года и выше передавать для отбывания наказания в исправительно-трудовые лагеря ОГПУ. А последнее, в свою очередь, должно было для приема этих заключенных расширить существующие и организовать новые лагеря в отдаленных районах «в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы» (ГУЛАГ 2000: 64).

Стоит ли удивляться, что охота на людей, необходимых для пополнения дармовой рабочей армии, которая непрерывно таяла из-за ужасных условий заключения, превратилась в одну из главных забот власти, а лишение граждан личной свободы — в один из главных инструментов экономической политики? В архивах сохранилась стенограмма выступления Сталина на заседании Президиума Верховного Совета СССР в августе 1938 года. Лагерное население в это время стремительно увеличивалось, тем не менее, Сталин возражал против существовавшей до этого практики досрочного освобождения передовиков лагерного производства. «Старое решение нам не подходит, — говорил он. — Мы плохо делаем, мы нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо... Будут освобождаться лучшие люди, а остаются худшие. Нельзя ли дело повернуть по-другому, чтобы люди эти оставались на работе — награды давать, ордена, может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться... Поручим Наркомвнуделу придумать другие средства, которые заставили бы людей остаться на месте... Семью можно дать им привезти и режим для них изменить не-

14

В 1947 году смертная казнь в СССР была ненадолго отменена, нарушение нового указа каралось лишением свободы на срок от 5 до 25 лет. «В суды было направлено секретное распоряжение, гласящее, что действующая мера наказания за мелкие хищения с места работы (лишение свободы сроком на 1 год) отменяется, и такого рода нарушители теперь тоже подпадают под Указ от 4 июня 1947 года» (Верт 1999: 229).

сколько, может быть, их вольнонаемными считать. Это, как у нас говорилось, — добровольно-принудительный заем, так и здесь — добровольно-принудительное оставление» (ГУЛАГ 2000: 113).

Число осужденных и число заключенных менялось год от года — в тесной связи с политической конъюнктурой в стране, но также и вследствие «рутинного» функционирования всей репрессивной системы. «Архивы ГУЛАГа свидетельствуют, что ротация рабочей силы была весьма значительной: от 20% до 35% ежегодно освобождалось» (Верт 1999: 206). Кроме того, от пребывания в тюрьме или лагере освобождала смерть — к этому «демографическому» вопросу мы вернемся несколько ниже. Сколько же всего народу побывало на бесчисленных островах «архипелага» ГУЛАГ?

Как ни странно, но после многих лет архивных изысканий, начавшихся в конце 1980-х годов, когда такие изыскания стали возможны, после работы разного рода комиссий и после довольно большого количества публикаций, даже самая общая статистика заключенных сталинского времени раскрыта не до конца. Если свести вместе все известные и наиболее часто встречающиеся данные, то получим таблицу 19.2.

Таблица 19.2. Число заключенных в СССР на 1 января каждого года, 1930–1960, тыс. человек

	В лагерях, колониях и тюрьмах	Только в лагерях	Только в колониях	Только в тюрьмах	В лагерях и колониях	В колониях и тюрьмах
1930		179,0				
1931		212,0				
1932		268,0				
1933		334,3				
1934		510,3				
1935		725,5	240,3		965,7	
1936		839,4	457,1		1296,5	
1937		820,9	375,5		1196,4	
1938		996,4	885,2		1881,6	
1939	2024,9	1317,2	355,2	352,5	1672,4	707,8
1940	1846,3	1344,4	315,6	186,3	1660,0	501,9
1941	2400,4	1500,5	429,2	470,7	1929,7	899,9
1942	2045,6	1415,6	361,4	268,5	1777,0	630,0
1943	1721,7	984,0	500,2	237,5	1484,2	737,7
1944	1331,1	663,6	516,2	151,3	1179,8	667,5
1945	1736,2	715,5	745,2	275,5	1460,7	1020,7
1946	1948,2	746,9	956,2	245,1	1703,1	1201,4
1947	1996,6	808,8	894,7	293,1	1703,5	1187,8
1948	2449,6	1108,1	1061,2	280,4	2169,3	1341,6
1949	2587,7	1216,4	1140,3	231,0	2356,7	1371,4
1950	2760,1	1416,3	1145,1	198,7	2561,4	1343,8
1951	2705,4	1543,4	997,4	164,7	2540,8	1162,1
1952	2662,4	1713,6	796,2	152,6	2509,8	948,8
1953	2624,5	1731,7	740,6	152,3	2472,2	892,8
1954	1474,1	884,0	441,0	149,1	1325,0	590,0
1955	1173,9	748,5	326,8	98,6	1075,3	425,4
1956	925,1	557,9	223,8	143,5	781,6	367,3
1957	947,4	492,1	315,9	139,5	808,0	455,3
1958	840,6	409,6	312,3	118,7	721,9	431,0
1959	1023,6	388,1	474,6	160,9	862,7	635,5
1960	653,8	276,3	306,4	71,1	582,7	377,5

Примечание: данные за 1940–1960 годы не учитывают заключенных спец-тюрем НКГБ-МГБ-КГБ, а также детей и подростков, находившихся в детских исправительно-трудовых учреждениях.

Как видим, данные становятся достаточно полными только с 1939 года. До этого времени у нас нет возможности судить о числе заключенных в тюрьмах, а до 1935 года — и в колониях. Между тем речь идет вовсе не о ничтожных величинах: как свидетельствуют эти данные за те годы, за которые они имеются, на колонии и тюрьмы иногда приходилось больше половины от общего числа заключенных. Согласно данным, приведенным в таблице 19.2, на начало 1933 года в лагерях находилось 334 тыс. заключенных, но С. Уиткрофт ссылается на секретный документ ЦК ВКП(б) из захваченного немцами Смоленского архива, относящийся к маю 1933 года, где говорится о 800 тыс. человек, находящихся в местах заключения помимо лагерей (Wheatcroft 1996: 1338).

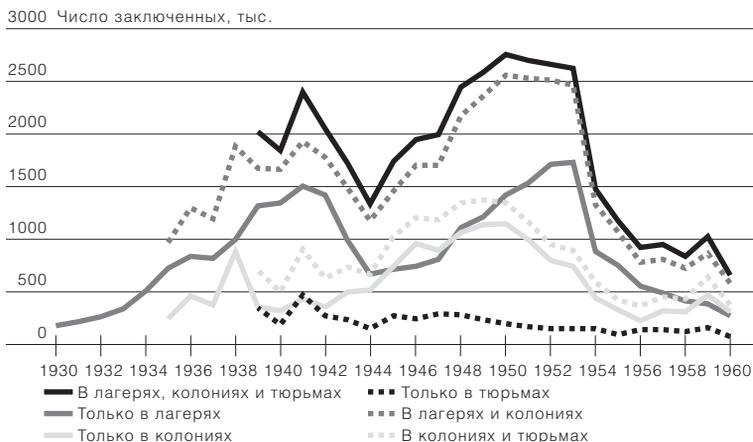
Встречаются и разночтения. Например, в одной работе утверждается, что на начало 1935 года в колониях находилось 240 259 человек, а на начало 1936-го — 457 088 (Getty, Trittersporn, Zemskov 1993b: 668), тогда как в другой первая цифра относится только к тюрьмам, а вторая — к тюрьмам и колониям (Дугин 1999: 53–55). Также в различных источниках данных таблицы 19.2 приводятся разные сведения о числе заключенных в тюрьмах в 1939–1948 годах¹⁵.

Приводимый ниже график дает представление о динамике числа заключенных тюрем, лагерей и колоний начиная с 1936 года (рис. 19.2).

На рисунке 19.2 представлены данные на начало каждого года. Так как в течение года могли быть — и обычно имели место — значительные изменения числа заключенных, то более адекватно судить об истинной динамике тюремно-лагерного населения позволяет его среднегодовая численность. Не располагая помесечными данными о числе заключенных, ее можно определить только грубо, приблизительно — как полусумму численности на начало и конец года. Но в некоторых случаях это возможно сделать и точнее. За ряд лет имеются сведения о числе умерших за год и о доле умерших в процентах в среднесписочной численности заключенных, рассчитанной Отделом

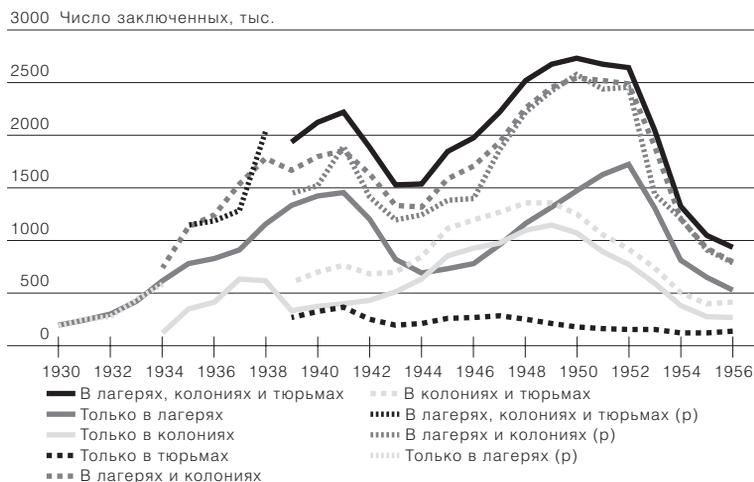
15
В таблице использованы данные из работы В. Земскова (Земсков 1999). Согласно другим данным, число тюремных заключенных составило в 1939 году — 350 538 человек, в 1940-м — 190 266, в 1941-м — 487 739, в 1942-м — 277 992, в 1943-м — 235 313, в 1944-м — 155 213, в 1945-м — 279 969, в 1946-м — 261 500, в 1947-м — 306 163, в 1948-м — 275 850 (Getty, Trittersporn, Zemskov 1993b).

Рисунок 19.2. Число заключенных лагерей, колоний и тюрем на 1 января каждого года, СССР, 1930–1960

Источник: Дугин 1990: 91; Земсков 1999: 114–115; Getty, Trittersporn, Zemskov 1993b: 668.

Рисунок 19.3. Среднесписочное число заключенных лагерей, колоний и тюрем, СССР, 1930–1956

учета и распределения заключенных ГУЛАГа (ГУЛАГ 2000: 441–442). Эти сведения позволяют определить и более точное среднесписочное число заключенных, которое на рисунке 19.3 помечено буквой «р».

Как видно из рисунка 19.3, различия между определенной двумя способами среднегодовой численностью заключенных — иногда большие, иногда меньшие — существуют, однако качественной картины динамики числа заключенных они не меняют. Кроме того, следует заметить, что выполненный расчет позволил в известной мере восполнить отсутствие данных об общем числе заключенных лагерей, колоний и тюрем в 1935–1938 годах (последний столбец таблицы 19.3).

Таблица 19.3. Число заключенных лагерей, колоний и тюрем, СССР, 1935–1941, тыс. человек

	На начало года		Среднегодовое в лагерях, колониях и тюрьмах	
	В лагерях и колониях	В лагерях, колониях и тюрьмах	Рассчитанное как полусумма чисел на начало и конец года	Рассчитанное исходя из коэффициента смертности
1935	965,7			1150,4
1936	1296,5			1184,5
1937	1196,4			1283,3
1938	1881,6			2030,9
1939	1672,4	2024,9	1935,6	
1940	1660,0	1846,3	2123,3	
1941	1929,7	2400,4	2223,0	

Источники: Земсков 1999: 115; ГУЛАГ 2000: 441–442.

На фоне общего подъема числа заключенных между 1930 и 1960 годами бросается в глаза его резкое снижение во время войны. Оно имеет несколько объяснений. Ниже будет показано, что в это время резко возросла смертность заключенных, что, конечно, не могло не сказаться на их численности. Одновременно сократился приток заключенных, хотя он оставался совсем не маленьким. Но, кроме того, за время

войны, по неполным данным, из лагерей и тюрем более 1 млн. человек было передано в ряды Красной армии (ГУЛАГ 2000: 428), что — при общей численности тюремно-лагерного населения к началу войны менее 2,5 млн. человек — обусловило его резкий спад к 1944 году.

Вторая особенность динамики числа заключенных — огромное разбухание тюремно-лагерного населения в самые, казалось бы, победоносные годы — после принятия «конституции победившего социализма» в 1936 году или сразу после окончания Второй мировой войны. Особенно поражает это последнее. Уже в конце войны массовые репрессии вновь усилились и не прекращались до 1953 года. Можно еще как-то понять рост числа осужденных по делам органов НКВД-МВД в 1945–1946 годах, когда в их руках оказались лица, сотрудничавшие с противником во время войны, проживавшие в Европе русские эмигранты и т.п. Но что происходило в последующие годы? Как объяснить, что за один 1948 год, когда по политическим делам было осуждено 73 тыс. человек, число заключенных лагерей, колоний и тюрем выросло на 466 тыс. (а число вновь поступивших заключенных было, следовательно, намного большим)? В целом за пять лет, с 1945 по 1950 год, общее число заключенных лагерей, колоний и тюрем увеличилось более чем на 1 млн. и в 1950 году приблизилось к 2,8 млн. человек (Земсков 1999: 115).

В обескровленной войной стране с резко сократившимся населением и, в частности, с огромными потерями мужского населения в наиболее продуктивных возрастах власти не нашли ничего лучшего, как держать в тюремно-лагерной изоляции свыше 2,5 млн. человек, большинство из которых составляли те же недобитые на войне мужчины молодых и средних возрастов. Правда, видимо, мужчин тюремно-лагерному Молоху уже не хватало. «Доля женщин среди осужденных после завершения победоносной войны удваивается (с 17,2 до 39,5%)» (Попов 1992: 26). Начиная с 1946 года доля женщин несколько сократилась и замерла на уровне 31–32%, что лишний раз заставляет вспомнить о социалистических принципах разрядки и квотирования.

Характерная особенность послевоенных репрессий — дикое ужесточение наказаний — и вовсе не за «политические преступления». В 1940 году «народные» суды приговорили на срок свыше пяти лет лишения свободы 2,1% всех осужденных, в 1947-м — 18,1%, в 1948-м — 29,2% (Там же, 27). Народ явно провинился перед властью.

19.2.2.3 «Кулацкая ссылка» и депортации

Репрессивная политика сталинского режима не ограничивалась использованием судебно-тюремно-лагерной системы, которая хотя бы внешне имитировала общепринятые принципы правосудия, представляла наказание как кару за якобы совершенное, хотя, на самом деле, чаще всего вымышленное, преступление.

Другим магистральным направлением сталинских репрессий стали незаконные массовые депортации выделенных по социальному или этническому признаку групп населения, иногда очень крупных. Рассматривая этот период, П. Полян насчитал «53 сквозных депортационных кампании и около 130 операций» разных масштабов, начиная с депортации казаков из Притеречья в 1920 году и кулаков-казаков из Семиречья в 1921-м и кончая депортациями представителей «непра-

вильных» религиозных вер — «иннокентьевцев» и адвентистов-реформаторов в 1952 году (Полян 2003; Polian 2004: 327–333).

«Поддавляющее большинство людей, подвергавшихся депортациям, направлялось на спецпоселение. Меньшая часть депортированных становилась ссыльнопоселенцами (отправленными в ссылку навечно), ссыльными (отправленными в ссылку на сроки), высланными и административно высланными. Кое-кто попадал и в лагеря ГУЛАГа» (Земсков 1994: 145). Сейчас, по крайней мере, уже довольно много известно о масштабах высылки на спецпоселения — основной составной части депортаций.

Можно выделить три главных этапа формирования спецпоселений после 1930 года. В 1930–1940 годах они комплектовались в основном за счет так называемой «кулацкой ссылки». Высылке на спецпоселение в отдаленные районы подлежала определенная категория кулацких семей на основании решения специальных «троек», состоявших из представителей ОГПУ, обкомов ВКП(б) и прокуратуры. Только в 1930–1931 годах число высланных таким образом крестьян составило 1803 тыс. человек (Земсков 1991б: 3; Земсков 1994: 146).

За 1932–1940 годы к числу спецпоселенцев добавилось («прибыло») еще 2177 тыс. человек (Земсков 1994: 146, 150–151). Если вычесть из этого прироста родившихся на поселении, а также возвращенных из бегов, то число действительно вновь прибывших составит 1179 тыс., но, учитывая, что до места назначения добирались далеко не все, отправленные в путь, число высланных было, видимо, существенно больше. Самые скромные поправки к этой цифре позволяют утверждать, что всего число высланных «кулаков» и «бывших кулаков» за 1930–1940 годы превышало 3 млн. человек.

Кроме того, в довоенные годы депортации подверглись еще некоторые категории населения, не связанные с «раскулачиванием», но считавшиеся неблагонадежными — в основном по этническому признаку: в 1936 году — 69,3 тыс. поляков, живших вблизи границы с Польшей, в 1937 году — 172 тыс. корейцев с Дальнего Востока, а также тысячи человек, в основном курдов и иранцев, живших вблизи иранской и афганской границ, в 1940–1941 годах — 380 тыс. жителей присоединенных Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы (в основном поляков, но также евреев, украинцев, белорусов и др.). К этим категориям надо добавить еще 86 тыс. «антисоветских элементов» и «кулаков» из Латвии, Литвы, Эстонии, Западной Украины и Западной Белоруссии, Молдавии, депортированных в основном буквально за неделю до начала войны (Земсков 1994: 153–157, Земсков 2005: 79–91). Таким образом, всего за 10 лет было депортировано (вместе с «кулаками»), не менее 3,7 млн. человек.

Второй период комплектования спецпоселений — военные годы (1941–1945), когда в них поступило еще не менее 2,1 млн. человек. Это были целые народы — 950 тыс. немцев, высланных из Европейской части СССР, 576 тыс. коренных жителей Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и других), 228 тыс. крымских татар, а вместе с ними и других жителей Крыма — греков, болгар, армян, 91 тыс. калмыков, 95 тыс. живших в Грузии турок-мехетинцев, курдов и хемшилов (хемшинов), 45 тыс. ингерманландцев и финнов (Земсков 1994: 158–159).

И, наконец, третий период — мирные послевоенные и обещавшие быть спокойными годы (1946–1953). Они принесли для пополнения спецпоселений еще не менее 680 тыс. человек — снова 186 тыс. жителей

Литвы, Латвии и Эстонии, 36 тыс. жителей Молдавии, 58 тыс. греков, турок и армян с Черноморского побережья, 148 тыс. бывших власовцев, участников других подобных формирований, полицаев и пр., 100 тыс. украинских националистов (членов Организации украинских националистов). Еще раз добычей спецпоселений стали немцы. В начале войны депортировать из Европейской части СССР удалось не всех немцев, многие из них оказались на оккупированной территории, главным образом на Украине, и примерно 350 тыс. было вывезено оттуда в Польшу и Германию. Кто-то из них впоследствии оказался на территории, занятой советской армией, а около 250 тыс. были переданы советским властям американцами и англичанами в соответствии с Ялтинскими соглашениями (Heitman 1987: 50), и, по-видимому, почти все они попали в спецпоселения. К началу 1953 года среди 1225 тыс. находившихся на спецпоселении немцев числилось 208 тыс. репатриированных (Земсков 1994: 166). Кроме того, в 1946–1951 годах на режим спецпоселений — уже без всякой видимости оснований — перевели немцев, всегда живших в азиатской части СССР и не подвергавшихся высылке. На спецпоселение в послевоенные годы были высланы также бывшие басмачи из Таджикистана, жившие в Грузии иранцы, сектанты-иеговисты, какие-то «враждебные элементы» из Грузии, из бывших пограничных районов Псковской области, бывшие военнослужащие польской армии Андерса, лица, уклоняющиеся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве — и так без конца (Там же, 145–170; см. также Перечень 1992: 154–165).

Если сложить названные выше цифры по всем трем периодам, получим, что с 1930 по 1953 год было депортировано 6,4 млн. человек. Но это — минимальная оценка. В публикуемых данных нередко встречаются разночтения и неувязки. Например, наряду с приведенной выше оценкой числа немцев, депортированных в 1941–1942 годах (950 тыс.), приводится и другая — 1209 тыс. (Бугай 1995: 42). Не всегда ясно, о чем идет речь в публикациях — о числе выселенных или о числе учтенных в момент прибытия на спецпоселение. Судя по всему, чаще имеются в виду именно зарегистрированные в момент прибытия, но тогда надо еще учитывать потери от очень высокой смертности в пути. Так, число *прибывших* на спецпоселение балкарцев по архивным данным НКВД оценивается в 37 406 человек (Земсков 1994: 158) (Берия в докладе Сталину назвал 37 107 *выселенных* [Бугай 1995: 132]). Но приводятся также оценки, по которым 8% выселенных балкарцев (3494 человек) умерли в пути, так что истинное число *выселенных* составляло 40 900 человек (Репрессированные народы 1991: 15). По-видимому, нечто подобное происходило и со всеми остальными высланными на спецпоселение, и если их общее число со временем будет уточнено на основании новых рассекреченных документов, то оно, скорее всего, увеличится.

Судя по всему, власть рассматривала высылку неугодных народов как способ «окончательного решения» каких-то втемнявшихшихся в ее голову вопросов. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года предписывал «в целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата к прежним местам жительства. За самовольный выезд (побег)

из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ» (Сборник 1993: 124).

Депортированные составляли большинство населения «спецпоселений», но были еще и другие категории (ссыльнопоселенцы, ссыльные, высланные и административно высланные), которых также надо учитывать, говоря о различных вариантах советских политических репрессий. В частности, некоторые категории заключенных, выходя из тюрем и лагерей, оказывались не на свободе, а на «поселении». Так, в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года, надлежало направить «по назначению Министерства государственной безопасности» и под его надзор в ссылку на поселение в районы Колымы, Красноярского края и Новосибирской области, расположенные в 50 километрах севернее Транссибирской железнодорожной магистрали, и в наименее благоприятные районы Казахстана «государственных преступников..., освобожденных по отбытию наказания из исправительно-трудовых лагерей и тюрем со времени окончания Великой Отечественной войны» (Там же, 46).

Эта мера, введенная 30 лет спустя после революции и Гражданской войны, распространялась на «всех отбывающих наказание в особых лагерях и тюрьмах шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и враждебной деятельности» (Там же, 46).

19.2.2.4 Общее число репрессированных

По состоянию на 1 января 1953 года, за два месяца до смерти Сталина, в лагерях, колониях и тюрьмах числилось 2625 тыс. человек, в спецпоселениях — 2753 тыс., ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных — 65 тыс. (Земсков 1994: 168, 189; Земсков 1999: 115–116). Всего, стало быть, даже без учета не столь многочисленных контингентов ссыльнопоселенцев, ссыльных, высланных и административно-высланных, — свыше 5,4 млн. советских граждан, *единовременно* подвергавшихся репрессиям в форме лишения или ограничения свободы. Сколько же миллионов подверглось этим видам репрессий за все годы советской власти, особенно же за четвертьвековой период сталинского правления, начиная с 1929 года, «года великого перелома», и заканчивая смертью Сталина в 1953-м? Сколько из них выжило, а сколько погибло?

Окончательно судить о числе лиц, побывавших в заключении, по-видимому, пока рано. Данные о динамике числа заключенных, подобные тем, какие представлены на рисунке 19.2, недостаточно информативны, они не позволяют судить о движении тюремно-лагерного населения на протяжении года, а значит и о том, сколько всего человек прошло через лагеря, колонии и тюрьмы, главное же, о том, каковы были обусловленные этим демографические потери.

Скажем, известно, что между 1936 и 1941 годами число заключенных в лагерях, колониях и тюрьмах увеличилось на 1104 тыс. (Дугин 1990: 91; Земсков 1994: 115). Но поступавшее пополнение должно было не только обеспечить этот прирост, но и покрыть убыль в результате осво-

бождения и смертности. Сообщается, например, что в 1937–1938 годах из лагерей было освобождено 644 тыс. человек, а умерло в них 116 тыс. (Земсков 1991: 14). Число заключенных с начала 1937 года по начало 1939-го выросло на 496 тыс. Значит, число поступивших в лагерь, способных покрыть убыль и обеспечить прирост, только за два года должно было составить 1256 тыс. — примерно в 2,5 раза больше зафиксированного прироста. В другие годы подобная «ротация» могла быть и еще большей.

Появляющиеся иногда в печати обобщенные данные не вполне ясны и довольно противоречивы. Сообщается, например, что в 1940 году «централизованная картотека ГУЛАГа содержала сведения почти на 8 млн. вошедших к этому времени в его ограды заключенных» (Земсков 1991а, б: 17), а, по другим источникам, в 1955 году в архивах ГУЛАГа хранилось 9,5 млн. личных дел заключенных (Дугин 1990: 96). Неужели за 15 лет прибавилось всего 1,5 млн. «личных дел»? Имеется оценка «общего числа заключенных, прошедших исправительно-трудовые лагеря с 1934 по 1953 год», — 11,3 млн. человек (Там же, 96), но и она, скорее всего, занижена. По другим данным, только за 1934–1947 годы в лагерь поступило (за вычетом возвращенных из бегов) 10,2 млн. человек, да на начало 1934 года в лагерях уже находилось 0,5 млн. (Земсков 1991а, б: 14–15). Это уже 10,7 млн., а мы знаем, что именно с 1947 года население лагерей снова начало разбухать и к началу 1953 года выросло на 0,9 млн. человек, стало быть, «оборот» был намного большим.

На начало 1945 года число заключенных лагерей и колоний составляло 1,46 млн. (да еще в тюрьмах было 275 тыс. человек), на начало 1951-го — 2,54 млн., т.е. за 6 лет оно выросло более чем на 1 млн. человек (и тюрьмы снова не пустовали). Опубликованы документы, свидетельствующие о том, что только в 1947, в 1949 и 1950 годах в лагерь и колонии поступило 3,3 млн. вновь осужденных (Дугин 1999: 37, 42, 43), и, видимо, что-то подобное было и в другие годы (1945, 1946 и 1948), о которых у нас нет сведений. А это означает, что только в 1945–1950 годах в гостях у советской пенитенциарной системы побывало не менее 6–7 млн. человек, может быть и больше. Если суммировать все приведенные данные, становится ясно, что в целом «за оградой» советских тюрем и лагерей за четверть века — с конца 1920-х до 1953 года — побывало никак не менее 20 млн. человек.

Кроме того, «лагерная статистика не учитывает огромных масс людей, прошедших через лагерь ГУЛАГа не в качестве заключенных, а в ином статусе. Так, в 1943–1945 годах лагерь ГУЛАГа были определены местом дислокации для мобилизованных в Трудовую армию советских немцев (около 400 тыс. человек). Через лагерь прошли в 1945–1950 годах сотни тысяч человек «спецконтингента», т.е. лиц, задержанных для проверки (в основном репатриантов)» (Земсков 1999: 115). В письме начальника ГУЛАГа на имя Л. Берии от июня 1945 года говорится, что в лагерях и колониях на 11 мая 1945 года находилось 1542 тыс. заключенных, из которых 1048 тыс. работали на стройках и предприятиях НКВД и еще 279 тыс. «выделялось другим наркоматам». Но, кроме того, «для других Наркоматов как рабочая сила» выделялось еще 1974 тыс. человек (882 тыс. спецпереселенцев, 104 тыс. мобилизованных немцев, 142 тыс. «окруженцев» из проверочно-фильтрационных лагерей, 580,5 тыс. военнопленных и 265 тыс. интернированных) (Дугин 1999: 32–33).

Непросто оценить и число людей, прошедших через спецпоселения. Даже если известно число депортированных, составлявших основ-

ной контингент спецпоселений (а мы видели, что оно известно лишь приблизительно: оценка в 6,4 млн. человек принята нами как минимальная), по нему нельзя судить об общей численности спецпоселенцев. В отличие от заключенных, они жили семьями, у них рождались дети, имел место естественный прирост, поэтому число людей, вкусивших прелести жизни в спецпоселениях, было намного большим, чем число депортированных, а тем более — прибывших к месту поселения.

Имеются данные о том, что за 9 лет (1932–1940)

в спецпоселениях родилось свыше 230 тыс. детей (Земсков 1994: 150–151), но впоследствии спецпоселения разрослись, к началу 1953 года спецпоселенцев было втрое больше, чем в конце 1930-х, так что за все это время там родилось никак не менее 1 млн. детей, скорее, даже более, — их тоже надо приплюсовать к числу прошедших через поселения.

Если обобщить все высказанные выше соображения, то получается, что общее число граждан СССР, подвергшихся репрессиям в виде лишения или значительного ограничения свободы на более или менее длительные сроки за четверть века — с конца 1920-х до 1953 года, — составило не менее 25–30 млн. человек¹⁶. Какие это имело демографические последствия?

16

У советской репрессивной системы есть адвокаты, и они приводят совсем другие цифры. «Со времени окончания гражданской войны вплоть до смерти И.В. Сталина, т.е. за 33 года, общее количество репрессированных составило 3,8–4 млн. человек» (Рыбаковский 2003: 41). Что ж, пока существует римское право, даже маньяки — серийные убийцы имеют право на защитника. В действительности только число *погибших* в сталинской репрессивной машине, видимо, было больше 4 млн.

19.2.2.5 Демографические потери от репрессий

Применявшаяся в качестве массовой меры наказания смертная казнь была безусловным, но далеко не единственным источником прямых демографических потерь в десятилетия репрессий. Условия жизни в тюрьмах и лагерях вели к массовой гибели заключенных, даже если они и не были приговорены к смерти. Разумеется, заключение или депортация не всегда означали смерть, в СССР не было лагерей смерти, подобных тем, какие существовали в нацистской Германии и создавались специально для физического уничтожения людей. В СССР их отчасти заменяли массовые расстрелы. Тем не менее, условия, в которых оказывались репрессированные, избежавшие «высшей меры», тоже были источником огромных демографических потерь — прежде всего из-за высокой смертности. Пребывание в ГУЛАГе не добавило лет жизни и тем, кто выбрался из него живым, нередко будучи «списанным» по состоянию здоровья. Кроме того, тюремно-лагерная изоляция миллионов мужчин, распад семей и другие последствия деятельности огромной репрессивной машины не могли не сказаться и на рождаемости.

Один из главных смыслов демографической модернизации заключался в том, что все экономические и технологические достижения новейшего времени использовались для ограждения человека от неблагоприятных воздействий природной и социальной среды. Эти достижения сделали возможными более комфортабельные жилища, лучшие социально-гигиенические условия, более полноценное питание, менее тяжелый физический труд, эффективную медицинскую профилактику, а в случае необходимости — немедленную медицинскую помощь и т.п. В каком-то смысле даже современные пенитенциарные системы, по крайней мере в идеале, — тоже часть мер по ограждению большинства населения от агрессивного преступного меньшинства,

представляющего собой одну из угроз благополучию, здоровью и жизни всех остальных.

Система концентрационных лагерей, через которые пропускались огромные массы невинных и не представлявших никакой угрозы людей и в которых нормальные современные условия труда, отдыха, питания, быта, гигиены, минимального социального комфорта и т.д. считались излишеством, демонстративно и резко нарушались, несла в себе огромный контрмодернизационный заряд. Она цинично разрушала ковавшую столетиями, если не тысячелетиями броню, защищавшую человека от преждевременной смерти, возрождала условия, обрекавшие совершенно здоровых людей на раннюю гибель.

Машина уничтожения ГУЛАГа работала безотказно: смерть «есть самая основная, неуклонная и никем не нормируемая продукция Архипелага», — писал А. Солженицын («Архипелаг ГУЛАГ», ч. 3, гл. 7). Но как подобраться к оценке числа погибших на его бесчисленных островах?

Есть любопытное свидетельство, связанное с проведением переписи населения 1937 года. По рассказу одного из ответственных работников главного статистического ведомства того времени, Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ), В. Азатяна, который «в середине января или в феврале 1937 г., зайдя в кабинет начальника ЦУНХУ [И. Кравалья], застал его разговаривающим по телефону с Молотовым и хорошо запомнил последнюю фразу И.А. Кравалья:

«...Мы же дали в НКВД бланков на 4 миллиона, а получили от них только два». Что говорили на другом конце провода, Азатян не слышал, но на него произвело неизгладимое впечатление, как поблелел Краваль, повесив трубку, и как, опустившись в кресло, сказал: „Это — конец!“ Теперь это свидетельство можно подкрепить архивными документами. НКВД затребовал от ЦУНХУ... бланков переписных листов... на 4 с лишним миллиона человек. Переписано же было НКВД, включая спецпереселенцев, всего 2660,3 тыс., из которых 270,7 тыс. личного состава» (Волков 1990: 47–48)¹⁷.

Из тех данных, которые находятся в научном обороте сейчас, следует, что за 1930–1936 годы только по делам органов ОГПУ-НКВД было приговорено к заключению в лагерях и тюрьмах, а также к ссылке и высылке почти 1,3 млн. человек, и за то же время было выслано не менее 3 млн. раскулаченных. Даже если бы они все пребывали в заключении и ссылке все годы, начиная с 1930-го, то при общероссийской смертности тех лет (включая и 1933 год!), к началу 1937 года их должно было остаться примерно 3,5 млн. Но, кроме того, были осужденные и по другим делам, состав заключенных и спецпоселенцев пополнялся непрерывно, а не только в 1930-м, наконец, в семьях спецпоселенцев продолжали рождаться дети. Крупномасштабных освобождений из заключения в эти годы не было. Так что, даже с учетом естественной смертности, в ведении НКВД и в самом деле должно было быть примерно 4 млн. человек. А оказалось всего 2,4 млн., которые к тому же включали в себя контингент «Б», т.е. не заключенных, а штатный и вольнонаемный состав аппаратов мест заключения, находящийся на казарменном положении состав частей и школ милиции и некоторые другие категории из состава НКВД. Выходит, что чуть ли не каждого второго из числившихся за НКВД четырех с лишним миллионов заключенных и спецпереселенцев в этот момент уже не было в живых.

17

«В январе 1937 г. для учета в переписи населения НКВД СССР сообщило статистической службе, что по контингенту „А“ числится 263 466 человек, а по контингентам „Б“ и „В“ — 2 389 570 человек» (Цаплин 1991: 163).

Разумеется, для того чтобы судить об истинных людских потерях в местах заключения и спецпоселениях, такого рода прикидок недостаточно. Есть ли более надежные источники, для того чтобы оценить сверхсмертность репрессированных?

Как полагает В. Земсков, «мы... располагаем совершенно точной информацией, что за период с 1 января 1934 года по 31 декабря 1947-го в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа умерло 963 766 заключенных» (Земсков 1991а: 13). Действительно ли это такая точная информация?

Даже если предположить, что приводимые данные верны, они относятся только к исправительно-трудовым лагерям (ИТЛ), в которых в разные годы содержалось от трети до трех четвертей всех заключенных, остальные находились в тюрьмах и исправительно-трудовых колониях (ИТК). Известная нам информация о смертности в местах заключения сведена в таблице 19.4.

Таблица 19.4. Число умерших в лагерях, колониях и тюрьмах, 1930–1956, тыс. человек

	В лагерях, колониях и тюрьмах	В лагерях и колониях	В колониях и тюрьмах	Только в лагерях	Только в колониях	Только в тюрьмах
	1	2	3	4	5	6
1930				8,0 ^a		
1931				7,3 ^a		
1932				13,2 ^a		
1933				67,3 ^a		
1934				26,3 ^b		
1935	32,7 ^c		4,3 ^c	28,3 ^b		
1936	26,5 ^c		5,9 ^c	20,6 ^b		
1937	33,5 ^c		8,1 ^c	25,4 ^b		
1938	126,6 ^c		36,0 ^c	90,5 ^b		
1939	75,3 ^c	51,8 ^a	24,8 ^{c**}	50,5 ^b	7,7 ^c	7,1 ^d
1940	56,7 ^c	44,6 ^a	10,0 ^{c**}	46,7 ^b	6,8 ^c	3,3 ^d
1941	130,4 ^f	123,0 ^a		101,0 ^b		7,5 ^d
1942	412,1 ^f	382,3 ^a		248,9 ^b		29,8 ^d
1943	309,4 ^f	288,6 ^a		167,0 ^b		20,8 ^d
1944	131,0 ^f	122,7 ^a		60,9 ^b		8,3 ^d
1945		81,9 ^a		43,8 ^b		
1946	35,3 ^f	33,0 ^a		18,2 ^b		2,3 ^d
1947	75,1 ^f	71,0 ^a		35,7 ^b		4,1 ^d
1948	53,5 ^f	52,1 ^a				1,4 ^d
1949	31,3 ^f	30,3 ^{a***}		15,7 ^e	14,0 ^e	1,0 ^d
1950	25,8 ^f	25,2 ^a				0,7 ^d
1951	23,3 ^f	22,9 ^a				0,4 ^d
1952		20,6 ^a				
1953		9,6 ^a				
1954		8,4 ^a				
1955		4,8 ^a				
1956		3,2 ^a				

* Согласно источнику (b)
26,3. ** Не совпадает
с суммой столбцов 5 и 6.

*** Не совпадает с суммой
столбцов 4, 5 и 6.

Источники: ^a ГУЛАГ 2000: 441–442; ^b Земсков 1991а: 14; ^c Земсков 1997: 63;
^d Дугин 1999: 51–52; ^e Дугин 1997: 99; ^f сумма столбцов 2 и 6.

Если объединить всю информацию об умерших заключенных, которой мы располагаем, то получается, что за 1930–1934 годы только в лагерях умерло 122 тыс. человек. Начиная с 1935 года есть данные о смертности не только в лагерях, но и в колониях и тюрьмах: за 1935–1953 годы во

всех этих местах заключения умерло 1619 тыс. человек (за 1945 год почему-то нет сведений об умерших в тюрьмах, мы взяли среднюю между числом умерших в тюрьмах в 1944 и в 1946 годах). Таким образом, общее известное число умерших с 1930 по 1953 год — 1721 тыс. человек. К этому надо добавить еще какое-то число умерших в колониях и тюрьмах в 1930–1934 годах — примерно 30 тыс., если применить соотношение, наблюдавшееся во второй половине 1930-х годов, за которые имеются данные. Следовательно, общее число умерших в советских исправительно-трудовых лагерях, исправительно-трудовых колониях и тюрьмах за 1930–1953 годы, в основном подтверждающееся опубликованными архивными данными, составляет 1,76 млн.

Однако насколько точны эти данные?

Доступная сейчас статистика смертности заключенных поражает своей неполнотой. Почему нет данных за ряд лет? Неужели не велся учет или не сохранились архивы? А если сохранились, почему к ним нет доступа? Откуда берутся вопиющие разночтения и несовпадения цифр? Например, согласно одному источнику, в лагерях и колониях в 1940 году умерло 44,6 тыс. человек, а согласно другому — только в лагерях — 46,7 тыс. (табл. 19.4). Наряду с приведенными в таблице 19.4 данными о числе умерших в лагерях, колониях и тюрьмах в 1935–1938 годах, имеются и другие — похожие, но не совпадающие: 1935 год — 31,6 тыс., 1936-й — 25,0 тыс.; 1937-й — 31,1 тыс.; 1938-й — 108,6 тыс. (ГУЛАГ 2000: 441–442). О какой точности можно говорить при таких несовпадениях? «Точная информация» никак не выглядит убедительной, скорее всего, В. Земсков да и другие исследователи работали с неполными или фальсифицированными данными¹⁸.

Приведенные в таблице 19.4 числа умерших в 1930-х годах совершают странные, труднообъяснимые скачки. Можно ли поверить, что в 1934–1936 годах число умерших в лагерях быстро снижалась и в 1936 году было вдвое меньше, чем в 1933-м, при том что число заключенных с тех пор удвоилось? Почему в 1938 году число умерших составило 90,5 тыс., а в 1939-м — всего 50,5 тыс., тогда как число заключенных увеличилось? Как это вяжется с другими, тоже архивными документами? «На начало 1938 г. в лагерях Дальстроя было 83 855 заключенных. В 1938 г. „план завоза заключенных был увеличен на 10 тыс. чел. Таким образом, план составил 71 тыс. чел.“. В 1938 году судами из Владивостока было перевезено 73 368 пассажиров, а везли на Дальстрой преимущественно заключенных. Если контингент заключенных пополнился на 73 тыс. человек, то на конец года их было бы 157 тыс., но в действительности оказалось 117 630 человек. Произошла убыль на 39 370 человек, или более чем на 25%. Куда же девались эти люди?.. К исходу 1938 г. на Дальстрое числилось 117 630 заключенных. В 1939 г. было завезено 70 953 человека и „фактически освождено“ (так в документе. — В.Ц.) 26 176 заключенных. Следовательно, количество заключенных должно было бы увеличиться почти на 45 тыс. и составлять примерно 162 630 человек. Однако в действительности среднесписочная численность заключенных по Дальстрою в 1939 г. определяется в 121 915 человек. Следовательно, убыло почти 41 тыс. за-

18

О не очень большой надежности гулаговских документов говорит и исследование В. Цаплина. Он отмечает, что, по данным отчетов, «количество заключенных по группам „Б“, „В“ и „Г“ почти такое же, как и по группе „А“ [группа „А“ — заключенные, используемые в основном производстве, остальные — занятые в хозяйствах, не отнесенных к основному производству, не работающие и т.п.]. Такое соотношение маловероятно. Скорее всего, что-то предельно мерно остается в тени» (Цаплин 1991: 158). «В отчете об использовании труда заключенных в 1939 году сообщается, что в системе УЖДС [Управления железнодорожного строительства] на начало года их имелось 94 773, а на конец года — 69 569. Отработали заключенные, как отмечается в том же отчете, 135 148 918 человеко-дней. Подобное сочетание невозможно, так как если бы в течение года каждый день без выходных трудилось 94 тыс. человек, то количество отработанных ими дней составило бы лишь 34 310 (94 тыс. на 365)» (Там же, 160).

ключенных, то есть более 25% их возможного общего количества» (Цаплин 1991: 161). А согласно «точной информации» В. Земскова, во всех лагерях СССР в 1939 году умерло 50,5 тыс. человек. Надежна ли эта цифра? По оценке В. Цаплина, изучавшего финансовую отчетность об использовании труда заключенных за 1939 год, наиболее полно представленный в документах, «через лагеря, колонии, тюрьмы и другие места заключения в 1939 г. прошло 2103 тыс. человек. Из них погибло не менее 525 тыс. человек» (Там же, 161). Но, конечно, и эту оценку нельзя принимать на веру.

Если в 1940-х годах в соотношении динамики числа заключенных и числа смертных случаев среди них еще можно найти какую-то логику, то в 1930-х годах никакого параллелизма в динамике этих двух рядов чисел не просматривается (рис. 19.4).

То же относится к общему коэффициенту смертности. В одни годы он в разы превосходит соответствующий коэффициент по России в целом, в другие — опускается даже ниже общероссийского показателя (табл. 19.5 и рис. 19.5). Чем можно объяснить, скажем, резкое снижение смертности в лагерях в 1935–1936 годах? Неужели после убийства Кирова в конце 1934 года в них был установлен санаторный режим?

Еще одна странная особенность архивных сводок 1930-х годов: в них указывается огромное число побегов (рис. 19.6). Например, в 1934 году в лагерях умерло 26,3 тыс. человек, а бежало из них 83,5 тыс., и хотя часть бежавших была поймана, число безвозвратно бежавших составило 36,7 тыс., т.е. значительно больше числа умерших. Просто решето какое-то, а не ГУЛАГ. А в сводках фигурирует еще какая-то «прочая убыль» — помимо умерших, бежавших, освобожденных и переведенных в другие места заключения. В 1938 году, например, она составила 8,8 тыс. человек, в 1939-м — 6,2 тыс. Не была ли эта странная убыль — от побегов и «прочая» — просто маскировкой убыли от огромной смертности, что естественным образом и предположили исследователи (Максудов 1995б; Wheatcroft 1996)? И трудно возражать против логики Уиткрофта, который рассматривал приведенные в архивных документах показатели смертности как минимальную оценку ее уровня, не исключая того, что максимальная оценка должна включать и убыль — от побегов и «прочую» (Wheatcroft 1996: 1339). В этом случае показатели смертности становятся более правдоподобными, хотя их снижение в 1935–1936 годах все равно остается труднообъяснимым.

Рисунок 19.4. Изменение среднегодовой численности заключенных и годового числа смертей в лагерях (1930=1) и лагерях и колониях (1939=1)

Таблица 19.5. Общий коэффициент смертности заключенных и населения России в целом, 1930–1956, %

	Россия в целом	В лагерях, колониях и тюрьмах		В лагерях и колониях		Только в лагерях		
		Расчет на основании табл. 19.2 и 19.4	ОУРЗ* ГУЛАГа	Расчет на основании табл. 19.2 и 19.4	ОУРЗ ГУЛАГа	Расчет на основании табл. 19.2 и 19.4	ОУРЗ ГУЛАГа	Санотдел ГУЛАГа
1930	2,73					4,08	4,2	
1931	3,03					3,03	2,9	3,6
1932	2,98					4,38	4,8	4,8
1933	5,10					15,94	15,3	15,7
1934	2,61					4,26		4,2
1935	2,36		2,75			3,62		3,6
1936	2,62		2,11			2,48		2,4
1937	2,62		2,42			2,79		3,0
1938	2,56		5,35			7,83		5,5-5,7
1939	2,39	3,89		2,69	3,1	3,79		3,3
1940	2,32	2,67		2,30	2,72	3,28		
1941		5,53		6,23	6,1	6,93		
1942		20,30		21,62	24,9	20,74		
1943		18,91		20,11	22,4	20,27		
1944		8,00		8,67	9,2	8,84		
1945				5,18	5,95	6,00		
1946	1,23	1,67		1,80	2,2	2,33		
1947	1,70	3,19		3,45	3,59	3,72		
1948	1,31	2,07		2,24	2,28			
1949	1,17	1,13		1,19	1,21			
1950	1,15	0,92		0,96	0,95			
1951	1,16	0,85		0,89	0,92			
1952	1,07	0,78		0,83	0,84			
1953	1,04	0,47		0,51	0,67			
1954	1,03	0,63		0,70	0,69			
1955	0,93	0,46		0,52	0,53			
1956	0,84	0,34		0,40	0,4			

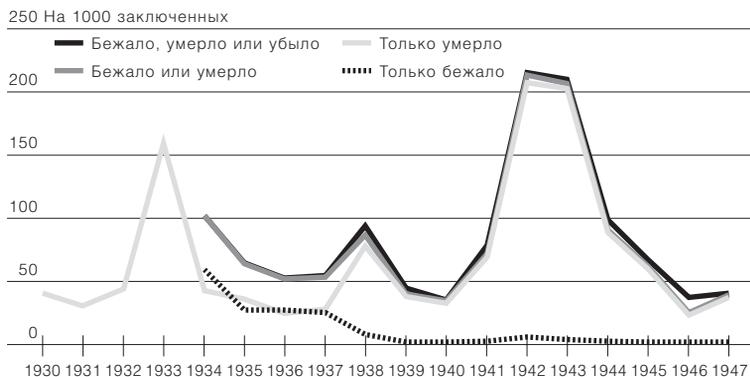
* Отдел учета и распределения заключенных.

Источники: таблицы 19.2 и 19.4; Земсков 1997: 63–64; ГУЛАГ 2000: 441–442.

Рисунок 19.5. Общий коэффициент смертности заключенных и населения России в целом, 1930–1956

Рисунок 19.6. Коэффициенты убыли числа лагерных заключенных в результате смертности, побегов и убыли по «прочим причинам», 1930–1947

Если произвести такую максимальную оценку, то «совершенно точные» 964 тыс. умерших в лагерях за 1934–1947 годы, о которых писал В. Земсков, увеличиваются до 1156 тыс., а 1761 тыс. умерших за это же время во всех местах заключения, полученные нами выше на основе опубликованных архивных данных, превращаются в 2067 тыс. Категорически настаивать на точности этой оценки, конечно, нельзя, но то, что и минимальная оценка не безупречна и, скорее всего, занижена, тоже не вызывает сомнений.

Как бы высока ни была смертность заключенных, не вся она объясняется самим фактом заключения, какая-то часть смертей неизбежна и на воле. Какую часть смертности заключенных следует отнести на счет тюремно-лагерного режима?

Чтобы ответить на этот вопрос, сравним фактическое число смертей в местах заключения с «нормальным» числом смертей в населении, имеющем ту же численность и возрастно-половую структуру, что и заключенные, и возрастные коэффициенты смертности, наблюдавшиеся в соответствующие годы у всего населения России. В таблице 19.6 приведены результаты соответствующего расчета. Он выполнен вначале только для заключенных лагерей, в отношении которых у нас имеются необходимые данные за 1934–1940 годы, а затем его результаты распространены на другие места заключения.

Таблица 19.6. Число умерших и «избыточная смертность» заключенных по минимальной и максимальной оценке, СССР, 1934–1940

	Число смертей в лагерях		Разница между фактическим и «нормальным» числом смертей				
	«Нормальное»	Фактическое		В лагерях		В пересчете на все места заключения	
		Минимум	Максимум*	Минимум	Максимум*	Минимум	Максимум*
1934	6420	26 295	62 957	19 875	56 537	23 739	67 529
1935	6726	28 328	50 804	21 602	44 078	31 760	64 806
1936	7650	20 595	43 468	12 945	35 818	18 471	51 108
1937	10 271	25 376	49 789	15 105	39 518	21 334	55 814
1938	13 916	90 546	108 678	76 630	94 762	134 537	166 371
1939	15 221	50 502	59 250	35 281	44 029	51 315	64 039
1940	13 614	46 665	49 834	33 051	36 220	49 336	54 067
Итого	73 817	288 307	424 780	214 490	350 963	330 493	523 732

* Максимальная оценка включает число показанных умершими плюс число безвозвратно бежавших и «прочую» убыль.

Как видим, смертность заключенных была катастрофически высока, в 4–6 раз превышала смертность на воле. В конце 1930-х годов в лагерях, колониях и тюрьмах находилось примерно 3% взрослого населения России в возрасте от 15 до 59 лет, а число умерших среди заключенных составляло от 12% всех умерших в этом возрасте в России в 1940 году до 29% — в 1938-м. (Число заключенных относится ко всему СССР, так что сопоставление с Россией здесь служит лишь для того, чтобы оценить масштаб явления.)

Так было перед войной, а в годы войны смертность заключенных резко повысилась (рис. 19.5). «Все донесения администрации ГУЛАГа в 1941–1944 годы признают чудовищное ухудшение условий в лагерях во время войны. Лагеря были перенаселены, „жилая площадь“, предоставленная каждому заключенному, упала с 1,5 до 0,7 кв. м на человека, и это означало, что заключенные спали на нарах по очереди... В 1942 году „калорийная норма питания“ упала на 65% по сравнению с довоенным уровнем. Заключенные голодали, и в 1942 году тиф и холера снова появились в лагерях; согласно официальным данным, около 19 000 заключенных умерло от них» (Верт 1999: 222). «В докладной записке санотдела ГУЛАГа за 1945 год отмечалось: „По возрастному признаку наибольший процент смертности падает на группу от 20 до 40 лет, т.е. на лиц, наиболее предрасположенных к туберкулезу легких, алиментарной дистрофии и пеллагре. По категорийному составу наибольшая смертность падает на 4-ю категорию — 67,4%. 3-я категория дает 28,9% смертности. Таким образом, почти вся смертность — 96,3% идет за счет 3 и 4 категорий физтруда“ ... Во время войны при снижении норм питания одновременно возросли нормы выработки» (Земсков 1991а: 22). Не удивительно, что даже по архивным данным, скорее, все же неполным, число умерших заключенных за 1941–1945 годы составило не менее 1,1 млн. человек (Дугин 1999: 51–52; ГУЛАГ 2000: 441–442).

Конечно, во время войны смертность повысилась и на воле, но едва ли превышение смертности заключенных над смертностью всего населения России стало меньшим, чем оно было в конце 1930-х годов. Так что вполне можно предположить, что на протяжении всего периода с 1930 по 1953 год, в среднем, оно было, как минимум, пятикратным, а значит, при общем числе смертей порядка 2 млн., избыточные смерти, непосредственно обусловленные всеми обстоятельствами ареста, следствия, суда и заключения, составили 1,6 млн. Совсем не мало, если учесть, что во всей России, скажем, в 1950 году умерло 1,2 млн. человек, а среди заключенных преобладали люди цветущих возрастов.

А как обстояло дело со смертностью другой крупнейшей группы репрессированных — спецпоселенцев?

Здесь также нет систематической и полной статистики, но есть множество свидетельств и фрагментарных оценок. Наиболее высокой была смертность в первые месяцы и годы высылки — транспортировка и вселение на новые места происходили в чудовищных условиях.

Огромными были потери «кулацкой ссылки». Даже если об этом имеется только разрозненная информация, она достаточно красноречива. Например, в письме наркома внутренних дел РСФСР В. Толмачева сообщается, что только за март и десять дней апреля 1930 года в Архангельске из 8 тыс. детей в высланных семьях заболело 6007, из которых умерло 587, т.е. более 7% за 40 дней, — и такой процент смертности детей — 7–8% — автор письма называет и для других округов

Северного края (Советская деревня 2003: 302). Другая справка сотрудника НКВД, тоже относящаяся к Северному краю, сообщает, что в 1930 году туда было вселено 230 тыс. человек. Далее в справке говорится, что 104 тыс. из них были расселены в «поселках» — в бараках, землянках и селениях, прилегающих к поселкам, и о том, что с ними стало дальше, не упоминается. Но в отношении остальных 126 тыс. говорится, что к маю 1931 года 21,2 тыс. из них, т.е. 17%, умерло (Там же, 662).

С 1932 года как будто имеются уже сводные данные, но и они вызывают немало вопросов. Сообщается, что за 1932–1940 годы умерло 389,5 тыс. человек, из которых 281,4 тыс. приходится на первые три года (1932–1934) (Земсков 1994: 150–151). В таблице 19.7 показатели смертности (и рождаемости, которая резко упала) спецпоселенцев приведены в сопоставлении с соответствующими показателями для всего населения России, в эти годы, как известно, тоже крайне неблагоприятными. Разумеется, среди раскулаченных были выходцы не только из России, да и расселяли их не только в России, таблица имеет иллюстративный характер, но она показывает, какой страшный демографический шок испытали миллионы «раскулаченных».

Таблица 19.7. Рождаемость и смертность спецпоселенцев и всего населения России, 1932–1934

	Среднегодовая численность спецпоселенцев, тыс.	Коэффициент рождаемости, ‰		Коэффициент смертности, ‰	
		Спецпоселенцы	Все население России	Спецпоселенцы	Все население России
1932	1229,6	14,7	39,3	73,0	29,8
1933	1107,3	15,4	32,3	136,9	51,0
1934	1023,1	13,7	28,7	39,1	26,1

Источник: Земсков 1994: 150–151.

Как ни велики приведенные показатели смертности спецпоселенцев, весьма сомнительно, чтобы они были полными и надежными. Публикуемые данные часто с очевидностью противоречат друг другу. Так, по сводным данным, в 1932 году при среднегодовой численности спецпоселенцев свыше 1,2 млн. человек из них умерло 89,8 тыс. В то же время приводятся, например, данные о том, что только в Нарымском крае, где к 1 июня 1931 года было около 51 тыс. спецпоселенцев, а в начале 1932 года — около 196 тыс. (15% всех спецпоселенцев на эту дату), за период с июня 1931 по май 1932 года умерло 25,2 тыс. человек (Красильников 2003: 160–161), т.е. 28% всех спецпоселенцев, умерших в СССР в 1932 году. Это соотношение мало правдоподобно.

В условиях неразберихи и неподготовленности внешней насильственной транспортировки многих сотен тысяч людей было не до учета, да и особой заинтересованности в таком учете у властей — и местных и центральных — не могло быть. Время от времени какая-нибудь проверка вскрывала «отдельные недостатки», но это, конечно, не меняло общей ситуации, и можно с уверенностью утверждать, что отчеты о смертности среди спецпоселенцев того времени носят сугубо «ориентировочный»²⁰ характер и имеют явный уклон в сторону занижения.

Но, кроме того, и здесь, как и в случае с заключенными, поражает огромное число безвозвратно бежавших

20

К примеру, гулаговский начальник, совершавший летом 1931 года инспекционную поездку в одном из районов Нарымского края, сообщал, что «смертность на отдельных участках, преимущественно детей, в момент моего нахождения была 10–35 человек в сутки. В данное время ориентировочно цифру смертности можно исчислять около 1000 человек» (Красильников 2003: 165).

Рисунок 19.7. Умершие, бежавшие и выбывшие по прочим причинам из числа спецпереселенцев/трудопоселенцев («кулацкая ссылка»), 1932–1940

Источник: Земсков 1994: 150–151.

(бежавшие минус возвращенные из побега в течение года). Хотя бежать из спецпоселений было, видимо, легче, чем из лагеря или колонии, считать, что сделать это и укрыться потом на воле было очень просто, тоже нет оснований. Поэтому цифра 373 тыс. безвозвратно бежавших из спецпоселений за 1932–1934 годы, при том что в 1936 году их показано всего 3 тыс., вызывает, по меньшей мере, удивление. Правда, в том же 1936 году показано 95 тыс. безвозвратно выбывших по «прочим причинам», тогда как в 1932 году их было 5 тыс., а в 1935-м — вообще всего 1 тыс. Все эти странные цифры, так же как и их необъяснимые резкие колебания от года к году, хорошо видные на рисунке 19.7, лишь усиливают сомнения по поводу достоверности архивной статистики смертности «кулацкой ссылки».

Нужно верить, например, в то, что в 1932–1934 годах число умерших среди «раскулаченных» менялось так же, как и среди всего населения России (рост в 1933 году на 70% и сокращение в 1934-м примерно на 75%), а избыточная убыль в эти годы объясняется огромным числом побегов: из 715 тыс. выбывших по трем указанным на рисунке 19.7 причинам только 281 тыс. человек умерли, а остальные 434 тыс. были живы и здоровы, хотя и не вполне ясно, где они находились. Поверить в это трудно.

Огромной смертностью — в дороге и в первые годы жизни на новом месте — сопровождалась и депортация народов. Так, по некоторым оценкам, только во время транспортировки умерло 7889 из 191 044 депортированных крымских татар (5%), 3494 из 40 900 балкарцев (8%), 1220 из 93 139 калмыков (1,3%)²¹. Тот же источник приводит оценки общего числа умерших между депортациями 1944 года и перерегистрацией 1949-го: 24,7% депортированных с Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев); 19,3% депортированных из Крыма, 15,7% де-

21
Подобные оценки оспариваются. В. Земсков, возражая С. Максудову, клеймит «грандиозный миф о якобы колоссальных потерях депортированных во время транспортировки»: «Г-н Максудов должен усвоить как аксиому, что если было выселено 194,1 тыс. крымских татар, то в места высылки поступило из них не менее 193,8 тыс. Смертность при транспортировке составляла, как правило, от 0,1 до 0,2%» (Земсков 1985). В. Земсков верит в известные ему документы, но документ — это не обязательно справка, составленная чиновником из «органов». Вот одно из свидетельств людей, переживших депортацию крымских татар: «В накрепко закрытых вагонах люди умирали, как мухи, от голода и недостатка воздуха: нам не давали ни пить, ни есть... Когда, наконец, открыли двери посреди казахстанской степи, то дали военный паек, не давая пить, приказали выбросить трупы прямо возле железнодорожного пути и не дали их закопать, после чего мы снова отравились в путь» (Верт 1999: 219). «Аксиоматические» 0,2% — это месячная норма смертности населения России в предвоенном 1940 году. И мы должны поверить, что такой же и даже более низкой она была в этих страшных эшелонах, наполненных стариками и женщинами с детьми?

Об обстановке, в которой проходили депортации, говорит чудовищная история сожжения заживо 705 запертых в колючие жителям высокогорного чеченского аула Хайбах 23 февраля 1944 года (Гаев, Хадисов, Чагаева 1994). До трагедии в Орадур-сюр-Глан, где погибло 642 человека, оставалось немногим больше трех месяцев.

портированных из Грузии, 17,8% калмыков (Репрессированные народы 1991: 15–16). «Между ноябрем 1944 и июлем 1948 года 19 540 выселенных месхетинцев, курдов и хемшинов, т.е. 21% от всех спецперемещенных, умерли. Такой процент смертности (от 20% до 25%) одинаков для всех репрессированных режимом народов» (Верг 1999: 221–222)²².

Эта оценки близки к полученным Д. Эдиевым для десяти тотально депортированных народов расчетным путем на основании модели «демографического потенциала»: из-за подъема смертности преждевременно погибло более полумиллиона представителей этих народов, или свыше 19% от общего числа депортированных для всех десяти народов при значительных различиях в коэффициенте потерь между ними (табл. 19.8).

Таблица 19.8. Оценка прямых людских потерь десяти депортированных народов, 1944–1952 (1939–1945 для корейцев, 1942–1952 для немцев)

	Депортировано, тыс.	Из них прямые людские потери до 1951 года	
		тыс.	%
Корейцы	172,5	28,2	16,3
Финны	105	18,8	17,9
Немцы	1276,9	228,8	17,9
Карачаевцы	71,9	13,1	18,3
Калмыки	104,1	12,6	12,1
Чеченцы	412,5	125,5	30,4
Ингуши	96,3	20,3	21,1
Балкарцы	39,4	7,6	19,3
Крымские татары	200	34,2	17,1
Турки-месхетинцы	102,1	12,9	12,6
Итого	2580,8	501,9	19,4

Источник: Эдиев 2003: 302.

Д. Эдиев оценил и потери, связанные с сокращением рождаемости, а значит, и общие демографические потери в первые годы после депортации. Согласно его расчету, потери численности населения от падения рождаемости были даже большими, чем прямые потери от подъема смертности (но в отличие от прямых потерь, впоследствии они были отчасти компенсированы благодаря повышению рождаемости). Общие демографические потери десяти народов к началу 1950-х годов превысили 1 млн. человек (Эдиев 2003: 302)

Впоследствии численность многих депортированных народов довольно быстро росла, но даже к 1989 году они так и не смогли полностью оправиться от последствий депортаций — их долгосрочные демографические потери составили от 10–20% до 30–40% численности, возможной при отсутствии депортаций.

Позволяют ли все приведенные данные подойти к общей оценке хотя бы прямых людских потерь, т.е. потерь от повышенной смертности вследствие сталинских репрессий за период с конца 1920-х до 1953 года? Скорее всего, нет. Информации все еще мало, она неполна и ненадежна.

По одной из оценок, «за два с небольшим десятилетия жертвами сталинских репрессий стали 19–21 миллион советских граждан. Из них не менее трети было приговорено к смертной казни или погибло в лагерях и ссылке» (Волгогонов, 1990: 339). «Возможно, — замечает далее

Д. Волкогонов, — мои оценки слишком осторожны, но все они основываются на известных мне документах». Наша оценка числа убитых или доведенных до преждевременной смерти в местах заключения, во время депортаций и жизни в «спецпоселениях» близка к оценке Волкогонова, но все же несколько ниже нее. То, что нам удалось как-то подсчитать и критически оценить, позволяет говорить примерно о 4–6, а не о 6–7 млн. Даже и эта величина огромна, она сопоставима с величиной армейских потерь в ходе Первой мировой и Гражданской войн (см. раздел 19.1.1). Но, конечно, эту оценку нельзя считать окончательной, она тоже очень осторожна и, скорее всего, занижена.

В любом случае сегодня и более, и менее консервативные оценки можно рассматривать лишь как временные, для их обоснованного уточнения нет достаточных данных.

Хотя за последние 10–15 лет секретные архивы приоткрыли свои двери и в научный оборот поступила огромный объем недоступной ранее информации, очень многое остается еще за семью печатями. «Бывший архив КГБ СССР, — писал незадолго до конца столетия один из высоких архивных чинов, — почище сердца Кощей Бессмертного, надежно упрятанного в глухих лесах, он по-прежнему величественно недосыгаем... В этом архиве — море информации об империи ГУЛАГ. Без нее все имеющиеся исследования по данной теме можно считать только предварительными набросками» (Прокопенко 1997).

Проблема оценки демографических последствий политических репрессий советского времени еще ждет своих исследователей.

19.2.3

Вторая мировая война

Как источник демографических потерь России в минувшем столетии Вторая мировая война выделяется на фоне даже таких катастрофических событий времен сталинского правления, как голод начала 1930-х годов и политические репрессии. СССР втягивался в эту войну постепенно. Она вспыхнула 1 сентября 1939 года, а уже 17 сентября начался ввод советских войск в Польшу. Эта военная операция прошла относительно бескровно. «На пути движения войск неоднократно встречались отдельные очаги сопротивления... Но они быстро подавлялись в ходе вооруженных столкновений. Основная же часть польских войск... целыми частями и соединениями сдавалась в плен» (Россия 2001: 184). Десять дней спустя после ввода войск, 28 сентября 1939 года, в Москве был подписан советско-германский договор о дружбе и границе, установивший новую западную границу СССР. В этой операции с советской стороны участвовало 466,5 тыс. человек, а потери убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести составили меньше 1000 человек (Там же, 186–187). Летом 1940 года советские войска вошли в принадлежавшие Румынии Бессарабию и Северную Буковину, не понеся при этом никаких потерь.

Потери вооруженных сил в ходе войны между СССР и Финляндией (1939–1940) были намного более значительными, они оцениваются, по последним данным, в 127 тыс. человек (Там же, 212). Для небольшой локальной войны, длившейся несколько месяцев, это немало. США за все время Второй мировой войны, в которой они вели успешные боевые действия на разных театрах военных действий по всему

миру на протяжении нескольких лет, потеряли всего в два–три раза больше (по разным оценкам, — от 250 тыс. до 400 тыс. человек) (Uralnis 1972: 321; Sivard 1991: 22–25).

После вторжения Германии в СССР 22 июня 1941 года советские потери как военного, так и гражданского населения стали поистине огромными. Их общая величина долго утаивалась руководством страны. Вскоре после окончания войны, в 1946 году, Сталин заявил, что СССР «безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря [sic!] немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу — около семи миллионов человек» (Сталин 1946: 3). Эта ни на чем не основанная оценка долгое время считалась официальной. По свидетельству военных историков, «15 лет после войны наши потери оценивались в 7 млн. человек. Эта цифра была обнародована в феврале 1946 года, хотя в то время руководству страны были известны более точные данные — 15 млн. погибших» (Великая Отечественная война 1999: 282)²³.

Несмотря на завесу тайны, окружавшей советские военные потери внутри страны, западные аналитики быстро подошли к достаточно точной их оценке — ее сделал и опубликовал в США еще в 1948 году Н. Тимашев (26,6 млн. человек) (Timasheff 1948: 153–155). В СССР же понадобилось еще более 40 лет, чтобы прийти к тому же результату.

Только в начале 1960-х годов были официально дезавуированы неправдоподобные сталинские 7 млн. — Н. Хрущевым была введена в обиход новая оценка потерь — «более двух десятков миллионов жизней советских граждан» (Хрущев 1961: 8). Еще четыре года спустя Л. Брежнев сообщил, что страна потеряла «свыше 20 миллионов человек» (Брежнев 1965: 15)²⁴, — это клише просуществовало до начала 90-х годов.

С началом горбачевской перестройки в обществе вновь пробудился интерес к событиям военных лет, и на рубеже 1980–1990-х годов в СССР появилось большое число публикаций, в которых оценки советских потерь во Второй мировой войне колебались в диапазоне от 26–27 млн. до 50 млн. человек (Максудов 1989; Кваша 1990; Козлов 1990; Рыбаковский 1990; Соколов 1991).

Работа по уточнению потерь армии и флота проводилась и комиссией Министерства обороны СССР, в состав которой входили специалисты Министерства обороны, ряда управлений Генерального штаба, Института военной истории. Согласно выводам комиссии, представленным в марте 1990 года на страницах «Военно-исторического журнала», советские вооруженные силы вместе с пограничными и внутренними войсками потеряли убитыми, умершими от ран и вернувшимися из плена (включая и кампанию на Дальнем Востоке) 8668 тыс. человек (Моисеев 1990: 14–16).

В 1988 году Госкомстатом СССР была образована официальная межведомственная комиссия, в состав которой, помимо сотрудников Госкомстата СССР, вошли ученые, представители НИИ статистики, демографических подразделений АН СССР, МГУ, Института военной истории, Центрального государственного архива народного

23

В архивах сохранилась, например, справка «Обобщенные данные гражданской комиссии учета жертв злодеяний немцев на территории СССР на 01.03.1946». В ней указывается, что немцами было убито и замучено 6 074 857 мирных граждан и 3 912 283 военнопленных, и кроме того 641 803 человека погибло от голода вследствие блокады Ленинграда (Полян 2002: 735–736). Простое суммирование дает 10,6 млн. погибших — и это без прямых потерь в ходе военных действий.

24

Сохранившиеся в архиве ЦСУ СССР документы позволяют приблизительно восстановить методику расчетов и статистические материалы, лежащие в основе этой оценки. Она опиралась на данные и оценки численности гражданского населения, погибшего (прямые потери) на оккупированных территориях (13,1 млн. человек), оценки военных потерь (от 7 до 8,8 млн. человек) и оценки потерь, объединенных в достаточно невнятную категорию «превышение резко увеличившейся смертности над сильно сократившейся рождаемостью» на оккупированных территориях (3–3,5 млн. человек). К этим потерям было добавлено еще 2,4 млн. человек — превышение смертности над рождаемостью по неоккупированной территории. В сумме получено от 25,5 до 27,8 млн. человек. Результаты расчетов были переданы «наверх» и там трансформировались в расплывчатую формулу «свыше 20 миллионов».

хозяйства СССР (ныне РГАЭ). Эта комиссия, работа которой продолжалась около двух лет, оценивала потери как вооруженных сил, так и гражданского населения. В мае 1990 года М. Горбачев, тогда президент СССР, в докладе, посвященном 45-летию Победы, официально обнародовал новую оценку, заявив, что война унесла почти 27 млн. жизней советских людей (Горбачев 1990).

Это соответствовало оценке потерь, рассчитанной незадолго до того сотрудниками Отделения демографии НИИ статистики Госкомстата СССР методом демографического баланса. Методика расчета и его результаты были опубликованы (Андреев, Дарский, Харьковская 1990: 25–27; Андреев, Дарский, Харьковская 1993: 73–79). Большинству исследователей эта оценка представляется достаточно правдоподобной, хотя все понимают, что очень большой точности в такого рода расчетах быть не может. И все же закрывать «досье» людских потерь страны — победительницы во Второй мировой войне, канонизировать оценку потерь в 27 млн. человек, к чему склоняются некоторые авторы²⁵, пока рано.

И сейчас имеются исследователи, называющие другие цифры потерь. Иногда их оценки ниже официальной. Так, С. Максудов считает, что официальная оценка преувеличена за счет того, что включает в счет потерь до 2 млн. человек, эмигрировавших из СССР в конце войны или сразу после ее окончания. По его оценке, окончательная величина потерь — 24,5–25 млн. человек (Максудов 1995: 1).

С другой стороны, имеются авторы, настаивающие на гораздо более высокой оценке военных потерь СССР. В частности, Б. Соколов повышает ее до 43,3 млн. человек (Соколов 2000: 245). Он приводит немало интересных данных и соображений в пользу такой оценки, но пока убедить научное сообщество в своей правоте ему не удалось. В частности, для того чтобы всерьез рассматривать расчеты Б. Соколова, надо согласиться с его оценкой численности населения СССР в 209,3 млн. человек на середину 1941 года (что на 12–13 млн. выше численности, которую демографы считают наиболее вероятной) и в 167 млн. — на начало 1946-го (что на 3,5 млн. ниже численности, принимаемой демографами). А ведь только за счет этих различий совокупные людские потери переваливают за 40 млн.

Более сдержанно, но тоже критически относится к «официальной» оценке В. Исупов. В частности, он считает заниженными данные Генштаба о потерях организационно подведомственных ему вооруженных сил, указывает на то, что кроме воинских подразделений Красной Армии в военных действиях принимало участие более 1 млн. партизан, подпольщиков и ополченцев, обращает внимание на необходимость учета потерь коллаборационистов. Осторожная формулировка В. Исупова «свыше 27 млн. человек» совокупных прямых и косвенных (от сверхсмертности гражданского населения вследствие ухудшения условий существования) оставляет возможность пересмотреть общепринятую оценку военных потерь СССР в сторону повышения, если на то появятся основания.

Имеющиеся оценки людских потерь СССР во Второй мировой войне и в связи с ней приведены в таблице 19.9. При всех разночтениях,

25

Как полагает один из авторов, «те, кому еще не надоело опровергать собственную Родину, продолжают завешать людские потери СССР» (Рыбаковский 2000: 4). Но ведь то же можно было сказать, защищая неприкосновенность и сталинской, и хрущевско-брежневской оценок. И что значит «продолжают завешать»? Продолжали-то, в основном, как раз занижать, препятствуя выяснению истины. Когда в СССР была оглашена последняя «официальная» оценка — 27 млн. жизней, — она оказалась всего лишь на уровне самой высокой из оценок, сделанных на Западе еще в 40-х годах. Но серьезные исследования могут скорректировать эту оценку не только в сторону повышения, но и в сторону понижения, в частности, за счет разграничения потерь, обусловленных войной, и «нормальным» функционированием советской репрессивной машины (об этом см. ниже).

ясно, что эти потери были огромными. Все войны связаны с людскими потерями, иногда очень большими. Но потери СССР, а стало быть и России, во Второй мировой войне были из ряда вон выходящими. «Никогда прежде в нашей стране не было такого количества потерь. На долю СССР пришлось от трети до половины всех мировых потерь в войне, в которой участвовало 61 государство с общим населением 1,7 млрд. человек» (Военный энциклопедический словарь 1984: 168).

Таблица 19.9. Оценка потерь СССР во Второй мировой войне, млн. человек

Автор оценки	Дата публикации	Прямые людские потери	Дефицит рождений
Н. Тимашев	1948	26,6	10,9
Б. Урланис	1972	20	
И. Курганов	1981	44	
Е. Андреев и др.	1990, 1993	26,6	
Л. Рыбаковский	1990	27	
Р. Сивард	1991	17	
А. Кваша	1994	27	
С. Максудов	1995	24,5–25	
В. Гривенко	1997	15	
А. Вишневский	1998	26,7	
Б. Соколов	1998	26-27	
Б. Соколов	2000	43,3	
В. Исупов	2000	свыше 27	свыше 15

Источники: Timasheff 1948: 153–155; Uralanis 1972: 321; Курганов 1981; Рыбаковский 1990: 27; Андреев, Дарский, Харькова 1990: 118; Sivard 1991: 22–25; Кваша 1993; Максудов 1995; Гривенко 1997; Вишневский 1998: 387; Соколов 1998: 46; Соколов 2000: 245; Исупов 2000: 195.

Говоря о потерях военного времени, нельзя обойти вопрос о разграничении потерь от войны и от политических репрессий, продолжавшихся и в первой половине 1940-х годов. Очень удобно списать тюремно-лагерные потери этих лет, а в какой-то мере и предшествующих, на войну и часть вины Сталина переложить на Гитлера. Ведь было же это откровенно сделано в случае с расстрелянными в Катюши польскими офицерами. Выше говорилось, что нечто сходное происходит и с Куропатами. По оценке Максудова, сколь ни огромны были потери, непосредственно связанные со Второй мировой войной, «сверх 7,5 млн. бойцов и 6–8 млн. мирных граждан остаются еще потери в 9–11 млн., приходящиеся на те же годы, но не связанные прямо с фашистским нападением. Это потери от сталинских репрессий» (Максудов 1989: 200–201).

Количественные оценки Максудова могут быть оспорены, скорее всего, они сильно завышены, но сам вопрос существует — события войны и политические репрессии переплетались. Воинская и репрессивная машины тесно взаимодействовали между собой во время войны. Уже отмечалось, что в самые тяжелые годы более 1 млн. заключенных из лагерей было передано в ряды Красной Армии. Но был и обратный поток — 994 тыс. солдат и офицеров были осуждены за 1941–1945 годы, из них 422 тыс. были направлены в штрафные подразделения, 422 тыс. — в места заключения, а 136 тыс., как полагает В. Исупов, были расстреляны, причем и эту цифру нельзя считать окончательной (Исупов 2000: 193). Впрочем, даже если она верна, то это в три с лишним раза больше, чем было расстреляно за то же время по делам НКВД. Но и шансы умереть в лагере в это время сильно повысились из-за уже упомянутого резкого подъема смертности.

Как справедливо отмечает В. Исупов, в первой половине XX века демографические кризисы стали хроническим явлением российской истории. «По меньшей мере трижды демографические кризисы перерастали в катастрофы, совпадавшие по времени с крупнейшими социальными потрясениями в стране... Многомиллионные потери населения... тесно переплетались с деятельностью коммунистической государственной машины. Природная стихия, ранее представлявшая главный источник демографических бедствий, в XX столетии нашла себе достойную замену, с той лишь разницей, что государство оказалось более жестоким и число жертв неизмеримо возросло» (Исупов 2000: 234).

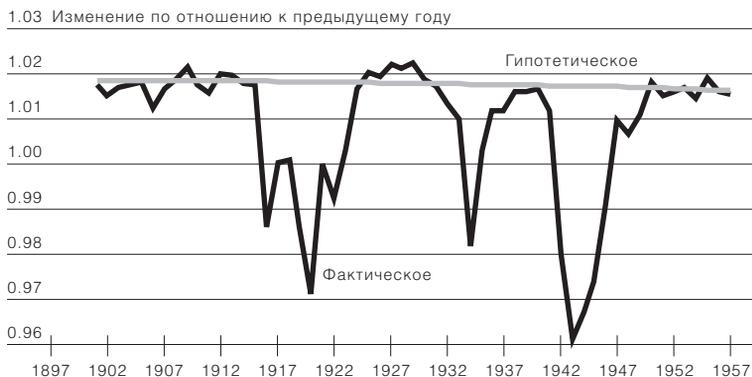
Попытки дать количественную оценку прямым людским потерь бывшего СССР в результате кризисов и катастроф первой половины минувшего века путем суммирования частных оценок полученных для разных периодов предпринимались не раз. Так, согласно С. Максудову, в стране насчитывалось примерно 10 млн. преждевременно умерших, в основном в результате Гражданской войны и голода 1921 года, за 1918–1926 годы; 7,5 млн. (по более поздней его оценке — 9,8) погибших от голода и репрессий за 1926–1938 годы; 22,5–26,5 млн. за 1939–1953 годы (Максудов 1989: 148, 187, 191, 200). Всего получается не менее 40 млн. жертв. «Почти половина мужчин и каждая четвертая женщина умерли за эти годы не своей смертью. А если взять только напряженные годы (1918–1922 и 1932–1940), 29 млн. мужчин погибло и лишь 20 млн. умерло в своей постели; 11 из 33 млн. женщин не прожили отпущенного им срока. Даже если принять минимальную цифру потерь, то и в этом случае они составят более трети умерших за эти годы» (Там же, 201).

Имеются и более поздние оценки, основанные на использовании недоступных прежде архивных материалов, но они не слишком отличаются от оценки С. Максудова: 7 млн. человек с 1927 по 1941 год и 27 млн. — с 1941 по 1945 год (Андреев, Дарский, Харькова 1990б: 84, 118). Объединение оценок, приводившихся в настоящей главе, говорит даже о более значительных потерях. Если исходить из того, что в границах Российской империи — СССР потери, связанные с Первой мировой войной, революцией, Гражданской войной и сопровождавшими их разрухой, голодом и эпидемиями, находятся в вилке между 14 и 21–23 млн. преждевременно умерших, потери от голода 1932–1933 годов составляют от 4 до 8 млн. умерших, потери от политических репрессий — 4–6 млн., потери, обусловленные Второй мировой войной, — 27 млн., да еще 1 млн. — от голода 1946–1947 годов, то общее число преждевременных смертей за первую половину века достигает 50–65 млн.

Примерно половину этих потерь — 25–35 млн. человек — можно условно рассматривать как собственно российские — в нынешних границах Российской Федерации, но, конечно, — лишь в первом приближении, серьезные исследования здесь еще только предстоят.

При всей важности такого рода оценок, без которых нельзя понять самого механизма демографических катастроф, они не дают ответа на все возникающие вопросы, так как не позволяют подсчитать потери, обусловленные кризисными падениями рождаемости или всплесками эмиграции, которые тоже имели место, а кроме того, не дают возможности разграничить кризисную и эволюционную составляющую демо-

Рисунок 19.8. Фактические и гипотетические (при отсутствии катастрофических колебаний) годовые темпы изменения численности населения России, 1900–1957

Источник: *Население России 1997: 8.*

графических изменений. Более полную картину потерь можно получить, используя обобщенные демографические расчеты и сравнивая фактическую динамику населения с той, какой она могла бы быть при тех или иных допущениях.

Если исходить из предположения, что темпы изменения численности населения, наблюдавшиеся в России в относительно спокойные годы между кризисами (1900–1913 годы — 1,8%, в 1926-м — 1,8%, в 1939-м — 1,75%, в 1950-м — 1,7%, в 1959-м — 1,6%, в 1979-м — 0,7%, в 1991-м — 0,35%), очерчивают минимальные границы темпов роста населения в условиях «нормальной» модернизационной эволюции российского общества, то можно получить кривую изменения гипотетических «бескризисных» темпов роста населения России (рис. 19.8). Ниже они могли бы быть лишь при гипотезе более быстрого, чем на самом деле, перехода к низкой рождаемости. Однако для такого предположения нет оснований, падение рождаемости в СССР и без того было очень быстрым.

Соответственно по-иному росла бы и абсолютная численность россиян (рис. 19.9 и табл. 19.10). К началу 1954 года она более чем на 76 млн. человек превосходила бы фактическую.

Таблица 19.10. Фактическая и гипотетическая численность населения и накопленные демографические потери России, 1900–1954, млн. человек

Год	Фактическая численность	Гипотетическая численность	Накопленные демографические потери
1900	70,9	70,9	0
1910	84,1	85,4	1,3
1920	87,0	102,5	15,5
1930	99,6	122,6	23,0
1940	109,7	145,9	36,2
1954	108,6	185,0	76,4

Эти 76 млн. человек — целая Россия начала XX века — и есть демографическая цена социальных потрясений и катастроф, обрушившихся на страну в первой половине минувшего столетия.

Рисунок 19.9. Фактическая и гипотетическая численность населения России, 1897–1957

Источник: *Население России 1997: 9.*

19.4 Демографический кризис второй половины XX века

Смерть Сталина в 1953 году и последовавшие затем политическая «оттепель» и спад четвертьвекового мобилизационного напряжения в СССР создали определенные предпосылки для нормализации демографических процессов и их возврата в эволюционное русло. Худо ли, хорошо ли, но страна прошла к этому времени основные этапы демографического перехода, и у нее появились шансы полноценно воспользоваться теми возможностями, которые открывал новый тип воспроизводства населения. К сожалению, эти шансы были использованы далеко не в полной мере. Следствием этого и стал описанный в части 4 этой книги кризис смертности последней трети XX века, послуживший источником новых неоправданных демографических потерь. Попытаемся хотя бы примерно оценить эти потери мирного времени, менее явные, чем потери в эпоху социальных катастроф.

Во второй половине 1960-х годов, когда в динамике российской смертности явственно обозначились негативные тенденции, показатели смертности во всех «западных» странах устойчиво улучшались, а круг таких преуспевающих стран расширился. Казалось бы, сходного развития можно было ожидать и в СССР в целом и, разумеется, в России. Ее население к этому времени было уже почти на 60% городским, обладало достаточно высоким уровнем образования, в России существовала довольно мощная система здравоохранения, были неплохо развиты медицинское образование и медицинская наука. Страна жила в условиях мира, а ее представители стали пионерами освоения космоса. Поэтому совершенно естественно сравнить фактические изменения смертности и продолжительности жизни в России с середины 60-х годов с теми, какими они могли бы быть, если бы Россия в это время включилась в общее движение экономически развитых стран по пути все большего снижения смертности.

Успехи западных стран в борьбе за улучшение здоровья и снижение смертности своих граждан, после некоторой заминки в 1950-х годах,

явственно обозначились с начала 1960-х. Выберем условно 1961 год в качестве отправной точки и допустим, что, начиная с 1966 года (т.е. с некоторым запаздыванием по сравнению с Западом) и на протяжении последующих 35 лет — до начала 2001 года — уровень смертности в России менялся бы такими же темпами, как в странах Европейского союза, США и Японии в период с 1961 по 1996 год. Исходный уровень российской смертности 1966 года в нашем расчете соответствует фактическому. Предположим также, что остальные составляющие демографической динамики — рождаемость и миграция оставались бы такими же, какими они были в действительности. Результаты этого расчета приведены в таблице 19.11.

Таблица 19.11. Фактическая и гипотетическая численность населения России на начало 2001 года, тыс. человек

Возрастные группы	Фактическая численность	Гипотетическая численность	Потери за 1966–2000 годы	Потери в % к фактической численности
Оба пола				
Всего	144 819	159 184	14 365	9,9
0–14	27 880	28 383	504	1,8
15–64	87 054	91 841	4787	5,5
65+	29 885	38 959	9074	30,4
Мужчины				
Всего	67 780	77 183	9403	13,9
0–14	14 264	14 555	291	2,0
15–64	44 126	48 144	4018	9,1
65+	9389	14 483	5094	54,3
Женщины				
Всего	77 039	82 001	4962	6,4
0–14	13 616	13 828	212	1,6
15–64	42 928	43 697	769	1,8
65+	20 496	24 476	3980	19,4

Как следует из таблицы 19.11, если бы наша гипотеза реализовалась, то есть если бы кризис смертности в СССР не парализовал здесь ее общемировую тенденцию к снижению, то общее число россиян, умерших за 1966–2000 годы, было бы меньше фактического на 14,2 млн. человек, или почти на 10%. Эта величина превосходит возможную оценку людских потерь населения России во Второй мировой войне (если принять их равными половине потерь СССР).

Сходство с военными потерями придает также значительное преобладание мужских потерь — они составляют две трети всех потерь. Главные причины смерти, обусловившие эти огромные потери у мужчин, — болезни системы кровообращения и почти в такой же мере — внешние причины; совокупный вклад всех остальных классов причин смерти (остальных болезней) намного меньше, чем каждого их двух названных.

У женщин динамика смертности от всех болезней в совокупности, за исключением болезни системы кровообращения, способствовала сокращению потерь. Но перевешивало все же негативное воздействие смертности от болезней системы кровообращения и, в значительно меньшей степени, от внешних причин, что и предопределило вклад в совокупные людские потери также и неблагоприятной динамики женской смертности (табл. 19.1 2).

Таблица 19.12. Распределение потерь от высокой смертности по группам причин смерти, 1966–2000

Причины смерти	Потери от высокой смертности					
	тыс. человек			% к итогу		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
Все причины	14 365	9403	4962	100,0	100,0	100,0
Болезни						
системы кровообращения	11 568	4515	7053	80,5	48,0	142,1
Внешние причины	4936	4249	687	34,4	45,2	13,8
Остальные причины	-2140	638	-2778	-14,9	6,8	-56,0

19.5 Общая оценка потерь России XX века

Выше мы определили демографические потери России вследствие демографических катастроф первой половины XX века, накопленные к 1954 году, в 76,4 млн. человек. Кроме того, кризис смертности последней трети минувшего столетия обусловил новые демографические потери — по нашей оценке, 14,2 млн. человек. Однако для того чтобы определить общие демографические потери за столетие, недостаточно суммировать эти две цифры.

Истинные потери во второй половине столетия зависели не только от того, что происходило после 1954 года, но и от наследия, доставшегося от первой половины века. Возникшие тогда провалы отразились и на уже достигнутой численности, и на возрастной пирамиде населения — ее изрезанность предопределяла новые колебания динамики численности населения даже при плавной закономерной эволюции рождаемости и смертности.

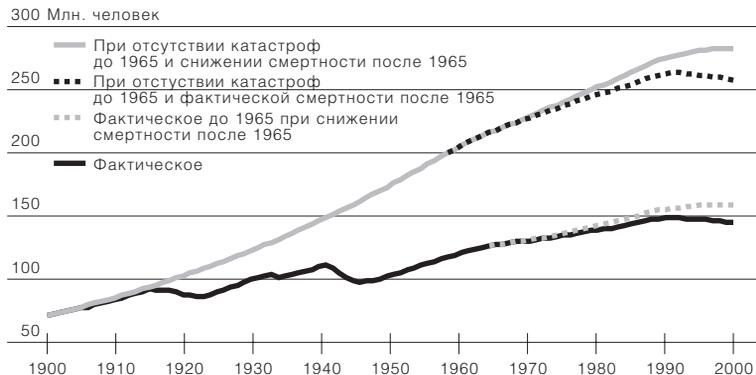
Поэтому при определении общих демографических потерь за столетие надо сопоставить фактическую динамику численности населения России после 1954 года с такой ее гипотетической динамикой, которая элиминировала бы колебания, заданные недавним катастрофическим развитием, и одновременно учитывала бы вероятность более низкой смертности в 1966–2000 годах в соответствии с гипотезой, принятой при оценке потерь вследствие кризиса смертности (см. предыдущий параграф). Такое сопоставление представлено в таблице 19.13, которая служит продолжением таблицы 19.10, и на рисунке 19.10.

Таблица 19.13. Фактическая и гипотетическая численность населения и накопленные демографические потери России, 1954–2000, млн. человек

	Фактическая	Численность населения		Накопленные потери	
		При отсутствии катастроф и фактической смертности	При отсутствии катастроф и снижении смертности	При отсутствии катастроф и фактической смертности	При отсутствии катастроф и снижении смертности
1954	108,6	185,0	185,0	76,4	76,4
1965	126,3	215,7	215,7	89,4	89,4
1980	138,1	244,4	249,8	106,3	111,7
1990	147,7	261,5	273,6	113,9	126,0
2000	145,6	258,2	282,4	112,7	136,8

Как следует из таблицы 19.13, если бы России удалось избежать демографических катастроф первой половины XX века, то, при прочих равных условиях, к концу столетия ее население могло быть почти на 113 млн. человек больше, чем оно было в действительности. А если бы

Рисунок 19.10. Гипотететическая численность населения России при отсутствии потерь вследствие демографических катастроф первой половины и кризиса смертности последней трети XX века в сравнении в фактической численности, 1900–2000, млн. человек

к тому же еще удалось добиться характерного для других стран снижения смертности в последней трети минувшего века, то это превышение составило бы почти 137 млн. человек.

Конечно, подобные оценки всегда условны, и, вероятно, их не следует понимать буквально. Но общее представление о «демографической цене», в которую обошелся России ее XX век, они дают.

Демографическая история России XX века тесно переплетается с историей отечественного демографического знания.

Тяжелейшие демографические потери, понесенные Россией (и, конечно, другими бывшими советскими республиками) в XX столетии, равно как и их природа, до сих пор плохо осознаются российским общественным мнением, которое либо мало знает, а то и ничего не знает о них, либо склонно оправдывать их «исторической необходимостью». И то и другое — не случайно. Власть, хорошо осведомленная об этих потерях и в решающей степени за них ответственная, делала все, чтобы скрыть их истинные масштабы и преуменьшить меру своей ответственности, переложив ее на других. В таких условиях научное демографическое знание превращается в помеху и неизбежно деградирует. А это лишает общество очень важных ориентиров, заставляет двигаться наощупь, затрудняет понимание собственного настоящего и будущего.

20.1 Двадцатые годы: начало и конец «золотого века» советской демографии

Регулярное изучение демографических процессов в целой стране, особенно в такой большой, как Россия, их анализ — далеко не простая задача. Самые передовые европейские страны подошли к ней не раньше XVIII века. Создание современной статистики населения — часть общих модернизационных перемен, и не случайно в России важнейшие шаги в этом направлении были сделаны Петром I, который положил начало подушным переписям податного населения — ревизиям — и ввел обязательную регистрацию православным духовенством обрядов крещения, погребения и бракосочетания в специальных книгах, которые затем передавались в Синод.

К концу XIX века в России был налажен полицейский учет населения (со всеми свойственными ему недостатками), итоги которого публиковались в изданиях Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Тогдашняя статистика естественного движения населения опиралась не на гражданскую/государственную регистрацию рождений, смертей, браков и т.п., а на фиксацию связанных с ними религиозных обрядов (у православных — крещений, венчаний, отпеваний) представителями различных конфессий. Это затрудняло расширение программы разработки статистических материалов по рождаемости и смертности, и она была беднее, чем в странах Европы.

Впрочем, существовали местные, «земские» статистические органы, как правило, либерального политического направления, которые не зависели от Центрального статистического комитета. Своими силами, в отдельных районах, главным образом в городах, они проводили собственную разработку и анализ демографических данных, например

смертности по причинам смерти. От года к году список таких районов расширялся, хотя и медленно.

После Великих реформ 60-х годов XIX века в отдельных городах и губерниях стали проводить местные переписи населения. А вот за проведение всероссийской переписи пришлось довольно долго бороться — инертная бюрократическая машина сопротивлялась всяким новшествам. После проходившего в Петербурге в 1872 году международно-статистического конгресса в российских статистических кругах

уверенно заговорили о необходимости проведения всеобщей переписи¹. Она прошла лишь четверть века спустя, в 1897 году, но все же в XX век страна вступила уже имея в своем активе проведенную всеобщую перепись населения, материалы которой, по мере их разработки, стали публиковаться в первые годы столетия (см., например: Общий свод 1905; Краткие общие сведения 1905; Первая всеобщая перепись 1905в).

Традиции дореволюционной демографии (тогда ее обычно называли «статистикой населения», термин «демография» еще не вполне устоялся), были восприняты и развиты после 1917 года, и какое-то время можно было думать, что Россия вот-вот совершит прорыв и войдет в число самых передовых стран по уровню развития социальной статистики вообще и демографической в частности. Даже во время Гражданской войны проводились переписи населения, в том числе Всероссийская перепись 1920 года, в 1923 году прошла Всероссийская городская перепись. Крупнейшим событием стало проведение в 1926 году Всесоюзной переписи населения, пожалуй, самой лучшей из отечественных переписей, как по методологической подготовке, так и по качеству и количеству опубликованных результатов².

1920-е годы и в самом деле стали «золотым веком» советской демографии. Государственная статистика занимала почетное положение в правительственном аппарате, а статистика населения была одной из первых среди отраслевых статистик. Демографические исследования в СССР находились на подъеме, общество никогда прежде не имело такого обилия информации о социально-демографических процессах, хотя потрясения времен революции и Гражданской войны давали знать о себе и часто затрудняли получение такой информации. Впоследствии советские историки связывали плохой учет тех лет исключительно с послевоенной разрухой, но дело, видимо, было не только в этом. В частности, учет естественного движения населения был почти полностью прекращен из-за отмены церковной регистрации демографических событий в 1918 году³, чтобы его восстановить потребовалось около 10 лет⁴.

«Золотой век» 1920-х годов не мог, конечно, не сказаться и на развитии демографической науки. В начале столетия в России существовал заметный научный интерес к демографическим проблемам и накапливался исследовательский опыт, который оказался востребованным сразу

1

«Издавая ныне статистические данные о количестве и составе населения империи за 1870 год, собранные полицейским порядком, Центральный статистический комитет считает необходимым заявить, что он не намерен более возвращаться к обнародованию в свет подобных сомнительных цифр ввиду решительной необходимости произвести в ближайшем будущем общую ежедневную и поименную перепись всего населения России на научных началах» (из предисловия к Статистическому временнику Российской империи, 1875; цит. по: Пустоход, Воблый 1936: 26).

2

Перепись прошла в декабре 1926 года, а уже в 1927 году было опубликовано несколько выпусков ее предварительных итогов (Всесоюзная перепись 1927). В течение 1928–1931 годов было опубликовано 56 томов окончательных результатов (Всесоюзная перепись 1928–1931): Т. 1–17: Отдел I: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность; Т. 18–34: Отдел II: Занятия; Т. 35–51: Отдел III: Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечные и психические больные; Т. 52: Отдел IV: Безработные; Т. 53: Отдел V: Владения, строения и помещения в городах и городских поселениях Союза ССР; Т. 54: Отдел VI: Жилищные условия городского населения; Т. 55–56: Отдел VII: Структура городской семьи.

3

В декабре 1917 года была введена гражданская регистрация, а в январе 1918-го — отменена церковная.

4

Впрочем и тогда, по более поздним оценкам, недоучет рождений даже по РСФСР составлял более чем 10%, а смертей — более чем 20% (Андреев, Дарский, Харькова 1998: 163).

после революции. В 1920-х годах рядом с демографами, приобретшими известность еще в начале века (В. Михайловский, П. Куркин, С. Новосельский), работали более молодые М. Птуха, В. Паевский, Ю. Корчак-Чепурковский, С. Томилин, А. Хоменко, Г. Баткис и другие.

Уже в 1918 году был открыт Демографический институт в Киеве⁵, здесь, как и в Москве, Петрограде-Ленинграде, других городах развивались демографические и социал-гигиенические исследования (они в те годы тесно переплетались между собой и тематически, и персонально), публиковались результаты этих исследований. Первые десять-пятнадцать послереволюционных лет оставили заметный след в отечественной демографической литературе.

«Золотой век» продлился недолго. С конца 1920-х годов⁶ положение стало быстро меняться. Конечно, и до этого в социально-демографическом развитии СССР далеко не все было благополучно. Но какое-то время негативные явления можно было трактовать как тяжелое наследие прошлого, поэтому их изучение даже приветствовалось новой властью. Теперь же эта власть перешла к широкому наступлению по всему фронту, развернулись форсированные «коллективизация» сельского хозяйства, индустриализация и урбанизация. Все это представлялось в качестве «социалистических преобразований», несущих всеобщее благоденствие. Реальные же демографические процессы резко контрастировали с официально насаждавшейся политико-идеологической мифологией. Поэтому всякая информация, противоречившая этой мифологии (а объективная информация чаще всего ей противоречила), была опасна для власти. При тогдашних политических обстоятельствах это могло означать только одно: любое объективное знание о демографической реальности в СССР было обречено.

Главным дезинформатором и мифотворцем эпохи была сама власть. В 30-х годах Сталин несколько раз касался в своих выступлениях демографической ситуации в стране, называя цифры, которые не имели ничего общего с действительностью. Для того чтобы эти оценки утвердились как официальные, надо было заставить молчать всех, кто знал правду, — а таких людей в СССР было немало, — да и вообще отвлечь внимание от таких сомнительных сюжетов, как рождаемость, смертность, рост населения и т.п. Этого добивалась — и добилась — власть на протяжении 1930-х годов.

Разумеется, ее усилия были направлены на утаивание правды не только о демографических процессах и даже, в первую очередь, не о них. Первоначально на первый план вышли сокрытие и фальсификация экономической информации, призванные убедить недоедающее и живущее в нищете население СССР, а заодно и мировое общественное мнение в необыкновенных экономических успехах «сталинских пятилеток» и ставшие к тому же важным инструментом междоусобной («внутрипартийной») борьбы в недрах самой власти. Но социально-экономические потрясения так быстро и так сильно сказались и на «движении населения», как тогда говорили, что сокрытие и фальсификация демографической информации тоже не заставили себя долго ждать. Ведь, в конце концов, именно в движении населения проявлялись конечные результаты экономической и социальной политики государства.

5

Этот институт возник в краткий период существования независимой Украины, когда создавалась возглавлявшаяся В. Вернадским Украинская академия наук. Подробнее об истории института см.: Пустоход 1972: 52–71.

6

Можно довольно точно обозначить этот рубеж — конец 1927 года. . . «На вопрос, когда произошел перелом в отношении к спецам, Вайнштейн сразу ответил: к декабрю 1927. „До этого нас слушали как специалистов, после этого мы были враги, а вероятно, и вредители“» (Кудров 2000: 62).

В новых условиях под вопросом оказалось само существование статистики как важнейшего инструмента познания социальной реальности. Казалось бы, еще совсем недавно декларировались как ее первостепенная важность, так и сложность стоящих перед ней задач. «Учет и контроль — вот *главное*, что требуется для „налажения“, для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества», — писал В. Ленин в 1917 году (Ленин 1977: 101). А в 1918 году он же говорил, что «Советская республика создала статистические учреждения и привлекла все лучшие статистические силы России, но, конечно, скоро идеальной статистики получить нельзя» (Ленин 1974а: 329).

Надо, правда, сказать, что у Ленина, действительно высоко ценившего статистику и широко ею пользовавшегося в дореволюционный период, с самого начала был несколько своеобразный, «инструментальный» взгляд на эту социальную дисциплину. «Статистика, — утверждал он еще в 1899 году, — должна иллюстрировать установленные всесторонним анализом общественно-экономические отношения, а не превращаться в самоцель, как у нас это слишком часто бывает» (Ленин 1979: 506). В 1921–1922 годах, после утверждения большевиков у власти, эта мысль получила у Ленина дальнейшее развитие. «Из Центрального статистического управления надо сделать орган анализа для нас, *текущего*, а не „ученого“... Статистики должны быть нашими практическими *помощниками*, а не схоластиками» (Ленин 1982а: 215). «Оно [Центральное статистическое управление] должно быть не „академическим“, и не „независимым“ органом, коим оно, по старой буржуазной привычке, является на 9/10 сейчас, а органом социалистического строительства, проверки, контроля, учета того, что надо социалистическому государству знать теперь, сейчас, в первую голову» (Ленин 1982б: 156).

20.2 Разгром

Противопоставление «текущего» и «ученого» анализа пригодились в конце 1920-х, когда в СССР возобладал тезис об отмирании статистики как теоретической науки при социализме, поскольку вся теория должна была обеспечиваться марксистской политэкономией, а статистическому наблюдению над плановым социалистическим хозяйством надлежало превратиться в единый народнохозяйственный учет. В январе 1930 года Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР было упразднено, а его функции переданы экономико-статистическому сектору Госплана (затем переименованному в сектор народнохозяйственного учета, а позднее преобразованному в Центральное управление народнохозяйственного учета при Госплане — ЦУНХУ). Таким образом, государственная статистика перестала быть хотя бы относительно самостоятельной и стала подчиняться плановым органам⁷. Даже проведенный в 1931 году учет городского населения проводился почему-то органами потребительской кооперации⁸.

Стоит отметить, что параллельно с тем, как теряла свой престиж статистика в целом, внутри нее все меньшее значение получала статистика демографических и смежных с ними процессов. Это отразилось даже на порядковом месте, которое занимали соответствующие отделы в перечне отраслевых отделов в ЦСУ-ЦУНХУ. В 1918 году в только

7

Из подчинения Госплану ЦСУ выйдет только в 1948 году.

8

Правда, «при активной помощи плано-статистических органов и под их организационно-методическим руководством» (Пустоход, Воблый 1936: 42).

что созданном ЦСУ РСФСР на втором месте в списке отделов шел отдел статистики народного здоровья, а социальная статистика, куда входила и статистика населения, была на четвертом. К 1927 году в перечне отделов ЦСУ СССР отдел социальной статистики числился на третьем месте. После преобразований начала 1930-х, в ЦУНХУ образца 1932 года сектор учета населения стал двенадцатым и в дальнейшем, вплоть до конца советских времен, не поднимался выше середины второй половины списка. В статистических ежегодниках, выходящих во всех странах, раздел, посвященный статистике населения, всегда — один из первых. Так принято сейчас и в «Российском статистическом ежегоднике». Но еще в конце 1980-х годов в советском статистическом ежегоднике, который тогда носил характерное название «Народное хозяйство СССР», довольно скудные сведения о населении появлялись в разделе, шедшем за разделами, посвященными статистике промышленности, сельского хозяйства, капитального строительства, транспорта и связи.

В начале 1930-х годов прекращается открытая публикация демографических сведений — в статистических сборниках, где преобладали относительные цифры, печатались только фантастические данные об общей численности населения. Объективная статистика становится недоступной исследователям, исследования сворачиваются, само право на существование демографической статистики не признается. В томе «Большой советской энциклопедии», вышедшем в 1931 году, сказано что «только в порядке условного разделения можно мыслить демографию как раздел социальной статистики, не имеющий одного права на изолированное положение» (Смулевич, Шевелев 1931: 226–229)⁹.

Новым поворотным пунктом в судьбе отечественной демографии стал 1934 год. Уже к концу 1933 года власть, видимо, осознала кошмарные демографические последствия только что закончившегося голода и стала делать все возможное, чтобы скрыть правду о невероятных людских потерях и первом огромном провале сталинской политики в целом. В январе 1934 года прошел XVII съезд ВКП(б) («Съезд победителей»), на котором была предпринята неудавшаяся попытка отстранения Сталина от власти. Стремясь отвести от себя возможные обвинения, Сталин огласил на съезде фальшивую, резко завышенную оценку численности населения СССР. Он утверждал, что население СССР выросло «со 160,5 миллиона человек в конце 1930 года до 168 миллионов в конце 1933 года» (Сталин 1952а: 495).

Имеется любопытное свидетельство об обстоятельствах появления этой цифры. Оно принадлежит М. Курману, одному из немногих переживших многолетнее заключение демографов, руководившему в 1930-х годах статистикой населения в ЦУНХУ СССР. «Последние более или менее известные данные о численности населения СССР относятся к концу 1931 года. Что же касается двух последующих лет — 1932 и 1933, то для них был характерен очень большой неурожай на значительной территории Советского Союза — на Украине, в Центральной Черноземной области, на Кубани, в Поволжье. В результате естественный прирост за эти годы был крайне мал, а в отдельных случаях оказался даже отрицательным. В таких условиях мы в тогдашнем ЦУНХУ закрыли все данные о населении, объявили их запретными. Последняя цифра, которая была опубликована, относится к 1 января 1933 года.

9

В статье есть отсылки к терминам «население» и «социальная статистика», но в соответствующих томах, вышедших уже в 1939 и 1947 годах, таких словарных статей нет вовсе.

После этого никаких данных не публиковали, но для себя вели счет. Каково же было наше удивление, когда на XVII съезде партии Сталиным была названа цифра населения, которая расходилась в сторону завышения против нашего исчисления миллионов на восемь. По моему настоянию тогдашний начальник отдела статистики населения и здравоохранения венгерский эмигрант Сикра обратился к тогдашнему начальнику ЦУНХУ Осинскому с вопросом, откуда Сталин взял цифру населения, названную на съезде. Мне потом говорили, что Осинский имел разговор со Сталиным на эту тему, и Сталин ответил, что сам знает, какую цифру ему называть. Правда, в печатном тексте численность населения была уменьшена на миллион против устного выступления Сталина. Тем не менее, она была сильно завышена» (Курман 1993: 600).

Так как имевшаяся статистика не подтверждала официально декларирувавшегося роста населения, вполне естественным было поставить под сомнение работу статистиков, которые «неправильно считали». Уже в феврале 1934 года Политбюро ЦК ВКП(б) выражает сомнения в правильности регистрации рождений и смертей в 1933 году и поручает Комиссии партийного контроля выявить причины их недоучета (Blum, Mespoulet 2003: 118). На протяжении года было проведено несколько проверок ЦУНХУ комиссиями партийного и советского контроля. Создававшиеся для этого проверочные комиссии целенаправленно искали недостатки в работе ЦУНХУ, в их заключениях оно прямо обвинялось в плохой постановке учета, недорегистрации рождений, «явном преувеличении смертности» (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 128–133).

Статистики пытались защищаться. Они не отрицали возможных погрешностей учета, но утверждали, что недооценка числа смертей намного более вероятна, чем его преувеличение. Как утверждалось в направленных руководством ЦУНХУ в комиссии партийного и советского контроля «Пояснениях к докладной записке тов. Вознесенского „О статистике народонаселения“», «прекращение регистрации в книгах ЗАГС вызывалось тем, что этих книг не хватало при массовых смертях. Комиссии, создаваемые с <ельским> советом, имели своей первой целью убрать трупы и их похоронить. Задача же учета смертных случаев естественно являлась для них второстепенной» (Там же, л. 158).

В июле 1934 года на поле демографической статистики появляется новый игрок — НКВД, заменивший существовавшее до этого времени ГПУ. Именно в НКВД была передана регистрация естественного движения населения (органы ЗАГС), изъятая у местной администрации. Новое ведомство сразу же начинает искать факты саботажа при записях актов гражданского состояния на местах и их использовании для получения сводных данных, в котором, конечно, были повинны статистики¹⁰. Прямых доказательств не было, зато в докладной записке

одной из проверявших ЦУНХУ комиссий весьма подробно, с привлечением «данных НКВД» разбирается состав сотрудников («бывший дворянин», «сын служителя культа», «дочь купца», просто «беспартийная» и т.п.) и разговоры («антисоветская агитация», «антисоветски настроен», «распространение слухов») в секторе учета населения и бюро переписи населения ЦУНХУ (О работе 2003).

10

«Во многих сельсоветах обнаружена попытка путем всяческих махинаций создать впечатление о вымирании населения в СССР... Предаются суду... Осуждены... на 10 лет...; на 6 месяцев принудительных работ; ...на 3 года лишения свободы...» (Там же, л. 120–127).

Тогда же, в 1934 году, резко усилившееся политико-идеологическое давление почувствовала на себе и демографическая наука, под огонь критики попали академические исследования.

Не просуществовав и четырех лет (а реально проработав и того меньше), закрывается созданный в Ленинграде в 1930 году, на излете «золотого века», и успевший выпустить единственный том своих трудов академический Демографический институт (ДИН). Закрытие института мотивировалось тем, что «попытки внести в его работу моменты социально-экономические не удались» (Типольт 1972: 98). Можно представить, как было обставлено закрытие ДИН и какие обвинения пришлось выслушать вдохновителю и организатору его работы В. Паевскому, если он скончался от сердечного приступа в возрасте 41 года, не доехав до дома после собрания, где принималось решение о закрытии института.

Среди последних серьезных публикаций 1920-х годов были таблицы смертности, рассчитанные С. Новосельским и В. Паевским на основе переписи 1926 года (Смертность 1930)¹¹. В 1930 году они были изданы ЦСУ (точнее экономико-статистическим сектором Госплана) с коротким, вполне доброжелательным предисловием Б. Смулевича, тогдашнего начальника секции социальной статистики этого сектора. Но в 1931 году он же в написанной в соавторстве статье в «Большой советской энциклопедии» называет Новосельского «старым демографом», стоящим на позициях буржуазной науки (Смулевич, Шевелев 1931: 228), а в журнальной статье охаивает весь Демографический институт в Ленинграде, т.е. тех же Паевского и Новосельского, за планы дальнейшего анализа смертности и отсутствие социальной тематики (Смулевич 1934: 31–32).

В июле 1935 года от руководства ЦУНХУ был отстранен В. Осинский (впоследствии расстрелянный, как, впрочем, и сменивший его И. Краваль). И статистики, и ученые получили надлежащее предупреждение, и теперь Сталин мог, не опасаясь возражений, развить свой тезис о достигнутых под его руководством успехах, в том числе и демографических. В декабре 1935 года он сделал новое заявление. «У нас теперь все говорят, что материальное положение трудящихся значительно улучшилось, что жить стало лучше, веселее. Это, конечно, верно. Но это ведет к тому, что население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертности стало меньше, рождаемости больше, и чистого прироста получается несравненно больше» (Сталин 1935: 118).

Однако вскоре последовали события, которые привели к еще большему ужесточению позиции власти по отношению к демографам — статистикам и исследователям — и к еще более откровенной фальсификации демографических данных и дезинформации.

Уже в начале 1930-х годов шла подготовка к переписи населения, которая первоначально намечалась на 1933 год, потом была перенесена на 1936-й и, наконец, на январь 1937 года, когда и была проведена. Отталкиваясь от названной Сталиным фальшивой цифры — 168 млн. человек в конце 1933 года, советские эксперты ожидали, что перепись населения 1937 года зафиксирует в стране 170–172 млн. человек. На деле же было учтено всего 162 млн. (Андреев, Дарский, Харькова 1993: 25).

11

Это были единственные из официальных российских таблиц, которым предпосылалось весьма содержательное предисловие, раскрывавшее теоретические и практические подходы к их построению. В частности, выбирались территории с достаточно хорошим учетом смертности и отбрасывались те, где учет был очень плох. Во всех последующих таблицах расчеты производились для всей страны, что, из-за включения районов с недоучетом смертности, заведомо завышало продолжительность жизни.

Разумеется, власть не могла принять этого результата и обвинила статистиков в неправильном проведении переписи. Уже 16 января 1937 года Комиссией партийного контроля была создана группа по проверке результатов переписи, возглавляемая Я. Яковлевым. Статистики снова пытались защищаться, причем здесь проявились две линии поведения.

Первая была выражена в докладной записке зам. начальника отдела населения и здравоохранения ЦУНХУ М. Курмана от 14 марта 1937 года. Сам Курман так писал об этом в своих воспоминаниях: «После того как были получены первые итоги переписи населения 1937 года, естественно, обнаружился значительный разрыв с той цифрой, которую следовало ожидать, судя по выступлению Сталина на XVII съезде партии. Тогда и предложили мне как руководителю статистики населения СССР дать объяснение по поводу расхождения между данными текущей статистики и переписи. Я долго отказывался, но меня все же заставили такой документ подписать. Его подписали Краваль — к этому времени начальник ЦУХНУ — и я как заместитель начальника отдела статистики населения и здравоохранения, руководитель статистики населения. В этом документе я написал, что перепись населения — точная операция, максимальная ошибка может оцениваться, примерно, в один процент. Это составляет для Советского Союза примерно 1,7–1,8 млн. человек. Что касается остального расхождения, то оно, по-видимому, может быть отнесено за счет того, что текущая статистика не имеет ряда данных. Ну, например, написал я в этом документе, — кстати говоря, он был помечен специальными литерами и направлен в адрес только руководящей группы правительства и партии, — у нас совершенно нет данных о смертности в лагерях. Далее указывалось, что у нас нет данных об уходе населения из восточных районов страны — из Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана — вместе со скотом в Персию и Афганистан» (Курман 1993: 601).

М. Курман написал свои воспоминания в первой половине 1960-х годов. Впоследствии, уже после его смерти, сохранившаяся в архивах «Докладная записка о естественном движении населения в период между двумя переписями — 17/XII 1926 г. и 6/1 1937 г.» стала доступна исследователям (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 132. Л. 25–27). Со всеми мыслимыми оговорками и не произнося слова «голод», автор «Записки» действительно указывает на возможный «уход за пределы СССР» в 1930–1933 годах 2 млн. жителей Казахстана и соседних с ним республик Средней Азии, на недоучет 1 млн. смертей в 1933 году и 1–1,5 млн. смертей, «регистрация которых не попадала в общегражданскую (специально переселенцы, заключенные в конц-лагерях <так в оригинале> — и прочее)» (Цаплин 1989: 176–178; Волков 1990б: 47). Таким образом, автор «Записки» пытался защищать не только правильность работы статистиков до переписи, но и правильность итогов самой переписи. 22 марта

1937 года Яковлев переслал «Записку» Курмана Сталину и Молотову, сопроводив ее комментарием, в котором, в частности, говорилось, что фигурирующие у Курмана цифры «весьма похожи на приводимые фашистами». Эту фразу Молотов подчеркнул красным карандашом (Blum, Mespoulet 2003: 138). На следующий день состоялась встреча Яковлева со Сталиным, но Курман к этому времени уже арестован¹².

12

По воспоминаниям Курмана, он был арестован в ночь с 21 на 22 марта 1937 года. Ровно через десять лет, в марте 1947 года он вышел на свободу, но через некоторое время был вновь арестован и окончательно освобожден лишь в 1955 году.

Видимо, в ответ на всю вакханалию арестов в августе 1937 года три тогдашних руководителя статистики населения: новый и.о. начальника бюро переписи В. Хотимский, его новый заместитель В. Старовский и новый же начальник отдела населения и здравоохранения И. Писарев — пишут огромную, на сорок страниц, докладную записку об итогах переписи — яркое выражение *второй* линии поведения (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 200. Л. 158–198). Неясно, кому адресовался этот документ и был ли он вообще кому-нибудь направлен, но его содержание весьма симптоматично. Полностью признавая огромный недоучет населения вследствие вредительства в только что прошедшей переписи и даже объясняя распределение недоучета по отдельным регионам, авторы, попутно призывая к сокращению объема публикаций, предлагают все-таки опубликовать итоги переписи, «внеся в них поправки». Дословно они обращаются «наверх» со следующей просьбой: «... 1. Разрешить ЦУНХУ внести в материалы переписи населения 1937 года поправки на недоучет, дифференцировано по республикам, краям и областям. Общий размер поправок на недоучет в размере 4%¹³. 2. Предложить ЦУНХУ уточнить данные о половой структуре населения, соответственно дифференцировать поправки на недоучет на мужчин и женщин».

Трудно сказать, была ли эта записка следствием прямого указания властей, как полагают некоторые исследователи¹⁴, или инициативой самих статистиков, уловивших желание власти по косвенным признакам, понявших бесполезность сопротивления и пытавшихся ценой заведомой фальсификации спасти перепись и самих себя. В любом случае, их маневр оказался напрасным. Правительство, действуя в обычной тогда для него манере разжигания страстей вокруг несуществующих заговоров и других признаков «обострившейся классовой борьбы», признало перепись вредительской и назначило новую на 1939 год.

В предвидении того, что итоги и этой переписи не совпадут с плановыми наметками, в середине января 1939 года к первым лицам государства обратился с запиской П. Попов, бывший с 1918 по 1926 год главой ЦСУ РСФСР, а затем СССР (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 161. Л. 36–40). Он предупреждал, что полученное по переписи население будет на 8–14 млн. меньше исчислений Госплана («...прежнего состава руководимого врагами народа»). А «фашисты... и банда шпионов... постараются использовать эти расхождения для своих вражеских политических целей. Надо вырвать зубы у этих гадин заблаговременно». С этой целью он предложил предпринять ряд пропагандистских мер (критика прежних цифр в Госплане и ЦУНХУ, в Академии наук, в массовой печати), а также сформулировать «закон населения в период стройки социалистического хозяйства». Причем, по его мнению, «этот закон... должен быть установлен под руководством тех и того, кто осуществляет и руководит социалистическим строительством страны советов — партии и великого вождя народов т. Сталина..., ибо специалисты без руководства со стороны ЦК и т. Сталина..., могут замкнуться в границах голого академизма, или удариться в схоластические измышления, из которых они уже не смогут выбраться» (Там же, л. 36).

Власть явно опасалась не вполне предсказуемых результатов новой переписи и подала ряд достаточно ясных сигналов ее организато-

13

То есть приписать 6,5 млн. человек!

14

«...Вряд ли сотрудники ЦУНХУ по своей инициативе предприняли попытку „испортить“ данные переписи. Видимо, такое указание было дано „сверху“, то есть правительством, затем изменившим свои намерения и предпочетшим данные переписи скрыть» (Жиромская 1994: 29).

рам. В период подготовки к переписи 1939 года были расстреляны три сменявших друг друга руководителя государственной статистической службы — В. Осинский (приговорен к высшей мере наказания 1 сентября 1938 года), И. Краваль (приговорен 21 августа 1937 года), И. Верменичев (приговорен 8 февраля 1938 года) (Государственная власть 1999: 247, 365, 446–447), руководитель переписей населения 1926 и 1937 годов О. Квиткин, арестованы другие причастные к демографической статистике руководящие работники ЦУНХУ — заместитель Квиткина

Л. Брангендлер, М. Курман, В. Хотимский¹⁵.

Не была забыта и наука. В 1934 году, когда закрыли ленинградский ДИН, киевский демографический институт формально уцелел. Тогда он был лишь преобразован в Институт демографии и санитарной статистики, что, конечно, сказалось на его работе: труды института в последующие годы больше были посвящены санитарной статистике. Но теперь наступил и его черед. В июне 1938 года, видимо, тоже в качестве одной из мер предосторожности при подготовке к переписи населения 1939 года, институт был расформирован. Директор закрытого института М. Птуха был арестован, правда, почти через два года освобожден, но другой ведущий сотрудник института Ю. Корчак-Чепурковский вышел на свободу только в середине 1950-х годов. Все архивы института, собранные за 20 лет статистические и литературные материалы, некоторые уже подготовленные к изданию исследования погибли во время войны.

Несмотря на все меры предосторожности, предварительные итоги новой переписи показали такую численность населения (167,3 млн. человек), которая была меньше не только оценок Госплана, но и цифр, названных Сталиным шесть лет назад. Однако слова вождя — это непреложная демографическая истина, и судьба предыдущей переписи и ее работников была ярчайшим тому подтверждением. Поэтому в письме от 10 февраля 1939 года руководители переписи честно признаются правительству и, не оправдываясь и не объясняясь, обещают представить «свои предложения о поправке к итогам переписи» (Поляков, Жиромская, Киселев 1990: 50).

Перепись проводилась в январе, а 10 марта 1939 года, еще до получения ее окончательных итогов, выступая на XVIII съезде ВКП(б), Сталин заявил, что в стране живет 170 млн. человек¹⁶. Более ясного сигнала статистикам дать было нельзя. 21 марта они четко и ясно докладывают Сталину и Молотову: переписано 167,3 млн., но после проверки контрольных бланков будет записано еще столько-то (1,1 млн. — откуда была известна эта цифра, если ко времени написания письма работа с контрольными бланками еще не была закончена?). К этому надо добавить еще 1% (1,7 млн.), как научно обоснованную погрешность переписи¹⁷. Таким образом была получена цифра (170 126 000 человек), совпадающая с названной Сталиным с трибуны только что прошедшего съезда партии.

Таким образом, налицо прямая фальсификация итогов переписи не менее чем на 1%. Хотя это и не 6 млн. человек, как готовы были сделать в 1937-м, но все-таки 1,7 млн. (а есть еще и довольно сомнительные

15

«Мы не можем ответить точно, за что были репрессированы люди, организовывавшие перепись. Может быть, за спекуляцию картошкой... Доказательств нет» (из интервью начальника отдела массово-разъяснительной работы по переписи населения Госкомстата СССР В. Алферова газете «Известия» [1988. 21 октября]).

16

На сей раз вождь назвал эту цифру не прямо, а мимоходом, в связи с другой тематикой — душевым производством чугуна: «В Советском Союзе 170 миллионов населения, а в Англии не более 46 миллионов» (Сталин 1952б: 617).

17

«В статистической науке считается общепризнанным, что перепись не может дать исчерпывающе точный счет населения. Коэффициент погрешности отдельными буржуазными статистками оценивается в 1–2%. Оценивая результаты переписи 1939 года, мы считаем возможным внести поправку за счет населения, не могущего быть полностью учтенного методом переписи, в размере 1%» (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 38–43).

1,1 млн., якобы записанные с контрольных бланков). Общая фальсификация сопровождалась, что вполне естественно, и подтасовкой территориальных, половых, возрастных и иных распределений. В частности, в только что цитированном письме первым лицам государства руководители переписи заверили их, что «численность населения как и Украинской, так и Казахской республик будет Госпланом в значительной степени выправлена за счет прибавления к ним части населения, переписанного в особом порядке НКВД и НКО». Видимо, предложения 1937 года о «дифференцированных поправках», о которых упоминалось выше, были реализованы в 1939 году с достаточным размахом.

Стоит ли говорить о том, что все манипуляции с результатами переписи проходили в обстановке строжайшей секретности, итоги переписи готовились публиковать так, чтобы не было видно явных несоответствий (например, половое распределение давать только по всей численности населения и не приводить отдельно по городу и селу). А статистика естественного движения населения была, как уже упоминалось, засекречена еще раньше.

Утаивание данных и их прямая фальсификация шли рука об руку, и к концу 1930-х годов об изобилии демографической информации конца 1920-х не осталось даже воспоминаний. Публикации на демографические темы в предвоенные годы крайне редки, а те, что есть, хронологически и географически удалены от времени и страны, где живут их авторы (см., например: Куркин 1938; Урланис 1938; Урланис 1941). В опубликованном в 1938 году учебнике по демографии примеры приведены либо зарубежные, либо отечественные, но относящиеся к периоду не позднее 1926 года (Боярский 1938).

Исторические события — включение в 1939 году в состав СССР стран Балтии, Западной Украины и Западной Белоруссии, а затем и война — отодвинули вопрос о демографических итогах советских 30-х годов на второй план.

Конечно, руководство страны не могло долгое время обходиться без более или менее объективной информации хотя бы об основных социальных процессах в СССР. Преподав кровавый урок статистикам, оно все же почувствовало реальную необходимость статистических, в том числе и демографических, сведений для своих практических нужд. Постепенно повышается статус статистического ведомства, ЦУНХУ еще в 1941 году вновь переименовывают в ЦСУ, а в 1948-м освобождают от подчинения Госплану. Во время войны государственная статистика, помимо рутинной работы по сбору и обработке текущих данных, выполняла и специальные задания правительства, в частности проводила срочные переписи, в том числе и населения (Ежов 1985).

Однако в новой ситуации, даже если статистическое ведомство собирало объективную информацию и передавало ее правительству, оно перестало обслуживать общество в широком смысле слова, более того — именно сокрытие информации от общества стало одной из основных его функций. Работники государственной статистики, видимо помня предыдущее десятилетие, были вполне довольны таким положением вещей, они готовили секретные сообщения о численности населения, трудовых ресурсов и т.п. — и даже не мыслили себе ничего иного. А завеса секретности, в свою очередь, облегчала возможности фальсификации данных, которые никогда не попадали в поле общественного контроля.

18

«Особенно сразу после войны — как среди населения, так и в органах власти и в сфере науки [в Германии] существовала огромная заинтересованность в выявлении числа выживших и погибших» (Оверман 1997: 683).

Ярчайший пример такой бесконтрольной фальсификации — фантастическое преуменьшение Сталиным демографических потерь СССР во Второй мировой войне, о котором говорилось выше (раздел 19.2.3). Стремление скрыть масштабы людских потерь заставила руководство СССР отказаться от проведения послевоенной переписи населения, хотя в 1945–1951 годах, после Второй мировой войны, во всех европейских странах, и участвовавших и не участвовавших в ней, такие переписи прошли. Везде, в том числе и в потерпевшей поражение Германии, государство стремилось оценить демографические последствия войны¹⁸, в каком-то смысле это было необходимо, чтобы подвести черту под миновавшей катастрофой. В Советском Союзе, стране-победительнице, такой заинтересованности почему-то не было.

В письме начальника ЦСУ В. Старовского, направленном в 1947 году председателю Госплана СССР Н. Вознесенскому (тогда ЦСУ еще входило в состав Госплана), говорилось, что «проведение новой переписи населения в ближайшее время, по мнению Центрального статистического управления Госплана СССР, нецелесообразно... Однако для практических нужд необходимо иметь данные о современной численности... и... составе населения. Для этой цели необходимо провести единовременный учет населения... В отличие от итогов переписи населения итоги учета не будут подлежать публикации, как это принято для переписей в международной практике». Письмо датировано 14 июля 1947 года. На нем стоит виза «Доложить лично. Н. Вознесенский». Надпись сбоку гласит: «Доложено лично 29.08.1947. Получено указание отложить до конца пятилетки. Старовский» (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4590. Л. 1–2).

К концу пятилетки Вознесенский был расстрелян, и Старовский, видимо, больше не возвращался к этому вопросу. Он понял настроение начальства, и у него были причины не проявлять особой настойчивости. Из 8 человек, возглавлявших советскую статистическую службу с момента ее создания в 1918 году до момента смерти Сталина, пятеро были казнены. В. Старовский был одним из трех оставшихся в живых, он пользовался доверием Сталина, но, как известно, до конца Сталин не доверял никому. В 1952 году над Старовским «сгущаются тучи... В.Н. Старовского вызывают в ЦК, где ему припоминают все его старые грехи... В ЦК принимается решение о вынесении В.Н. Старовскому строгого выговора и о постановке перед ВАК СССР вопроса о лишении его ученой степени доктора экономических наук. Ставится вопрос об освобождении В.Н. Старовского от руководства государственной статистикой (по другим сведениям подобное решение даже было принято, но так и не вступило в силу)» (Оксенойт 1988: 46). Последствия подобного развития событий в те годы были непредсказуемы, но, судя по тому, что в этом конкретном случае все обошлось, речь шла всего лишь о профилактике запугиванием.

Так или иначе, но никакого единовременного учета, не говоря уже о переписи населения, в послевоенном СССР проведено не было, и страна жила, не имея представления о числе собственных граждан.

Даже в середине 1950-х годов многочисленные зарубежные исследователи все еще тщетно пытались хотя бы приблизительно оценить число жителей одной из самых больших стран мира. Французский демограф А. Сови приводил сводку таких оценок — от 213 до 220 млн. че-

людей на середину 1955 года (Sauvy 1956: 464). Когда же, три года спустя после смерти Сталина, впервые была опубликована официальная цифра, она оказалась существенно ниже всех имевшихся оценок: 200,2 млн. человек в апреле 1956 года (Народное хозяйство 1956: 17). Это означает, что даже западные эксперты, пытавшиеся учесть реальные демографические потери СССР в 30–40-х годах XX века, были введены в заблуждение советской пропагандой и преуменьшили эти потери на 10–20 млн. человек.

«Профилактика запугиванием» постоянно проводилась и в отношении немногочисленных оставшихся в живых представителей демографической науки. В условиях полного отсутствия достоверной информации и сохранявшегося до конца жизни Сталина жесткого политико-идеологического контроля, исключавшего всякое проявление интереса к реальным демографическим процессам, невозможно было и проведение каких бы то ни было демографических исследований. Демографии не существовало ни теоретически¹⁹, ни практически. Однако это не мешало оставшимся демографам — их можно пересчитать по пальцам одной руки — вновь и вновь попадать под огонь идеологической критики.

Вышедший в 1945 году вполне нейтральный учебник демографической статистики А. Боярского, где он, конечно же, не забыл написать несколько абзацев идеологических заклинаний²⁰, подвергся суровой проработке за слишком большое внимание к формально-математическим методам анализа. В предисловии к новому изданию (1951) автор каялся в совершенных ошибках и подчеркивал, что в новом издании внимание сосредоточено на воспитании молодежи «в духе советского патриотизма, ненависти к реакционной буржуазной лженауке и буржуазным порядкам». Что же касается «изложения самих математических приемов, используемых в демографической статистике», то «в настоящем учебнике» оно было «значительно сокращено и упрощено» (Боярский, Шушерин 1951: 3–4)²¹.

Еще один пример — судьба другого известного демографа, Б. Урланиса, в конце 1940-х годов преподававшего статистику в Московском университете. В марте 1949 года, во время кампании по борьбе с «космополитизмом», в газете «Московский университет» появилась статья, в которой утверждалось, что «на экономическом факультете долгое время подвизался оголтелый космополит, апологет и проповедник англо-американского империализма профессор Урланис» (Воспитывать 1949). Через месяц он был уволен из университета «за низкое идейно-политическое содержание лекций, выразившееся в восхвалении буржуазного статистического учета и принижении деятельности советской статистической науки». В приказе об увольнении отмечалось, что «профессор Урланис аполитичен и совершенно не владеет марксистской методологией».

Власть вновь усиливала свое давление, и хоть и не практиковала репрессии столь широко, как в предвоенное десятилетие, возможность их применения постоянно ощущалась всем обществом, как нависшая туча.

Хорошей иллюстрацией характера отношения власти к проблемам народонаселения может служить проект указаний МИДа представите-

19

В «Большой советской энциклопедии» того времени статья «Демография» занимает всего 9 строк, в которых говорится, что «советская демография, базирующаяся на теории марксизма-ленинизма и опирающаяся на исторические законы народонаселения, принципиально отличается от буржуазной, проповедующей реакционные идеи» (Демография 1952: 653).

20

«Вопросам, связанным с теорией населения и демографией много уделяли внимания, как известно, В.И. Ленин и товарищ Сталин, и их положения и указания лежат в основе советской демографической статистики» (Боярский 1945: 5).

21

Появление второго автора, П. Шушерина, было, по-видимому, дипломатическим ходом, реальным или, во всяком случае, основным автором оставался А. Боярский.

лям СССР на сессиях Комиссий ООН по статистике и по народонаселению (январь–февраль 1953 года), где четко сказано — «Сов^етские» представители на сессии должны иметь в виду, что СССР *не заинтересован* во Всемирной конференции по народонаселению, созываемой в 1954 году» (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1056. Л. 11). Но и отношение самих работников государственной статистики к «опасным» вопросам было таким же. Когда проект пришел на согласование из МИДа в ЦСУ (все-таки речь шла о статистике), там ответили, что «ЦСУ не имеет возражений против проекта» (Там же, л. 1).

Четверть века — с начала 1930-х до середины 1950-х годов — для советской демографии прошли впустую, не оставив после себя ни сколько-нибудь значительных исследований, ни новых имен. Больше того, именно в эти годы в советской науке возникло и окрепло направление, отрицавшее не только само существование демографии, но и вообще какие-либо специфические проблемы народонаселения, не сводимые к проблемам экономики. Место исследований заняли схоластические теоретические упражнения, например на тему «социалистического закона народонаселения». Отдельные редкие исключения, немногие исследования того периода, которые делают честь их авторам²², не способны изменить этого общего итога.

22

Таковы, например, исторические исследования А. Рашина (Рашин 1956) и Б. Урланиса (Урланис 1938; Урланис 1941; Урланис 1960), анamnестическое обследование рождаемости в селах Закавказья Р. Сифман (Сифман 1959; Сифман 1966). Впрочем, как видим, результаты и этих исследований были опубликованы уже после того, как началась «оттепель».

Нужно было обладать большим воображением, чтобы уже в конце 1980-х годов говорить о 30–40-х годах как о периоде, когда «тем не менее поступательное движение советской демографии продолжалось» (Шелестов 1987: 65).

Видимо, выработанная за советские годы автоцензура и в перестроечное время не давала возможности даже заикнуться о действительном регрессе в этой области. Это тоже одна из характеристик постоянного идеологического гнета, который действовал на протяжении всей советской эпохи.

20.3

Дезинформация эпохи застоя

В 1953 году, к моменту смерти Сталина, информационное поле демографической статистики и исследовательское поле демографии представляли собой выжженную пустыню.

Начавшаяся «оттепель» породила некоторые надежды на расширение статистической информации о демографических процессах, и действительно кое-какие сдвиги произошли, хотя и не сразу. Еще несколько лет статистические данные о населении оставались «секретными» и только в 1956 году они переходят в разряд «для служебного пользования» или «не для публикации в открытой печати» (в этом разряде они оставались вплоть до конца 1980-х, публиковались только избранные показатели).

В 1959 году — после 20-летнего перерыва — прошла, наконец, перепись населения, и, начиная с этого времени, статистические органы располагают непрерывными рядами многих демографических показателей. Однако к требованиям современного демографического анализа государственная статистика приспособлялась медленно, часто она не располагала даже элементарными данными. Так, долгое время не существовало информации о распределении населения по брачному состоянию, о брачной и внебрачной рождаемости, о распределении аборт

по возрасту женщин; советские переписи населения не давали обычной в международной практике информации о домохозяйствах и т.д.

После переписи 1959 года было проведено еще три всесоюзные переписи — в 1970, 1979 и 1989 годах. Их программы постепенно совершенствовались, в них появлялись новые вопросы, давно ставшие обычными в переписных листах многих стран. Например, в программу переписи 1970 года был включен вопрос о числе рожденных детей; с 1979 года — впервые после 1926-го — при переписи населения стали получать данные о распределении населения по всем категориям брачного состояния; в 1989 году появился вопрос о месте рождения. Уже после распада СССР, в 1994 году, в России была проведена микроперепись, которая позволяла получить данные о домохозяйствах. Постепенно совершенствовалась и текущая демографическая статистика — как с точки зрения программы собираемых сведений, так и с точки зрения полноты регистрации.

Однако наличие тех или иных сведений в системе государственной статистики (или в других ведомствах) вовсе не означало, что эти сведения были доступны для исследователей, а тем более для общественности. В этом смысле показательна история публикаций результатов переписей населения. О публикации 56 томов материалов переписи 1926 года уже говорилось. После переписи 1939 года ограничились несколькими газетными публикациями (правда, в этом случае отсутствие материалов объясняют начавшейся войной). После переписи населения 1959 года в течение 4 лет было опубликовано 17 томов. Перепись 1970 года завершилась публикацией 7 томов. Но самой «непубликабельной» стала перепись 1979 года, через пять (!) лет после которой был издан всего один куцый том, не содержащий даже возрастных распределений²³.

Не лучше обстояло дело и с публикациями текущих статистических данных, даже самых элементарных. Курьезом стал запрет на публикацию данных о распределении родившихся по полу — слабо варьирующая биологическая константа, известная еще с XIV века. Долгое время была закрыта для публикации практически вся информация, касающаяся смертности²⁴, а, скажем, данные о смертности по причинам смерти и возрасту, без которых невозможен никакой серьезный анализ, были труднодоступны даже для исследователей, которые впервые получили возможность работать с ними только в конце 1980-х годов. Информация о смертности отсутствовала, зато в дезинформации, как было показано в разделе 15.2, недостатка не было.

В 1975 году впервые вышел демографический статистический сборник (Население СССР 1973), который дает хорошее представление о том, что можно и чего нельзя было знать гражданам СССР. В сборнике нет обычных для такого рода изданий данных о распределении населения страны по полу и возрасту, нет данных по брачному состоянию (правда, их тогда не было и в органах статистики), нет показателей таблиц смертности, сведений о младенческой смертности (кроме общего коэффициента для СССР в целом), информации о смертности по причинам смерти (кроме грубых показателей смертности от новообразований и болезней системы кровообращения на 100 тыс. населения, не распределенных по возрасту). Другие важнейшие

23

Только спустя еще 5 лет, в 1989–1990 годах, уже в новых исторических условиях малым тиражом было издано 10 томов материалов этой переписи.

24

В 1972 году были опубликованы последние таблицы смертности — и то краткие. Остались только по возрастные коэффициенты смертности, но и их публикация в 1975–1976 годах была прекращена. В 1975 году был последний раз опубликован показатель младенческой смертности.

данные, например ожидаемая продолжительность жизни (округленно, без десятых) или нетто-коэффициент воспроизводства населения, приводятся, но только одной цифрой — по СССР в целом, что, при огромном разнообразии демографических процессов в СССР, мало о чем говорило. Но даже и та до предела стерилизованная информация, которая содержалась в сборнике, показалась чрезмерной. Первоначально его издание хотели сделать регулярным, двухгодичным, был подготовлен очередной сборник и даже изготовлен его пробный экземпляр. Но в последний момент издание было приостановлено, а объем публикуемой демографической информации снова резко сократился. В частности, данные об ожидаемой продолжительности жизни, брутто- и нетто-коэффициенте воспроизводства населения с середины 1970-х годов перестали публиковаться даже в целом по СССР. Вся «открытая» демография с этого времени свелась к публикации данных об общей численности населения и показателях рождаемости, видимо, потому что они все же имели позитивный характер. В демографических ежегодниках ООН, в которых приводились данные по большинству стран мира, строки, относящиеся к СССР, заполнялись выразительными многоточиями.

Исполнителями (а иногда, возможно, и инициаторами) запретов на публикацию были сами работники статистики. Их позиция была противоречивой. С одной стороны, они были первыми, а порой и единственными, кто получал информацию о негативных демографических тенденциях, и, «как все советские люди», должны были опасаться, что публикация этих тенденций будет нарушать непорочный облик советского строя и «лить воду на мельницу буржуазной пропаганды». С другой же стороны, они не могли не понимать, что полное отсутствие доступа более или менее широкой аудитории к плодам их работы лишает эту работу всякого смысла. Характерный пример: в записке начальнику ЦСУ Л. Володарскому в феврале 1976 года отдел статистики населения «просит рассмотреть возможность дальнейшей публикации показателей детской и повозрастной смертности, а также средней продолжительности жизни», на что в апреле следует окончательный запрет, и он, конечно, исходил с более высокого партийно-правительственного уровня.

Отсутствие публикаций и закрытость статистических органов не только тормозили исследования, но и вредили самой статистике, которая оказывалась вне общественного контроля и не имела стимулов к улучшению своей работы, от чего не могло не страдать качество собираемых ею данных.

Цензура распространялась не только на данные, которыми располагали органы статистики, под нее подпадала также и продукция исследователей. Например, существовал запрет на публикацию любых демографических прогнозов, причем не только официальных, составленных ЦСУ СССР. При издании книги Б. Урланиса (Урланис 1974) из нее был изъят большой кусок, содержащий прогноз для СССР, составленный самим автором. Понятно, что таким образом поддерживалась информационная блокада советских граждан. Урланис пользовался только открытыми данными, за рубежом подобный прогноз для СССР мог составить и свободно опубликовать любой исследователь, что там и делалось.

Расширение доступной статистической информации, особенно после переписи 1959 года, способствовало росту общественного интереса к демографическим вопросам, тем более что оно пришлось на пери-

од, когда в советском обществе стала пробуждаться способность критически смотреть на свое собственное развитие и, хотя бы робко, обсуждать свои реальные проблемы. Это время породило надежды на возрождение и развитие демографической науки в СССР, но им суждено было сбыться далеко не полностью.

В 1963 году в журнале «Коммунист» было опубликовано письмо Б. Смулевича о необходимости возрождения в СССР двух научных дисциплин — демографии и социальной гигиены (Смулевич 1963). Сам факт публикации в главном партийном журнале страны этого письма и материалов его благожелательного обсуждения сыграл важную роль в последующем оживлении демографии. В Москве, Киеве (в Институте экономики Украинской академии наук, где в это время еще работал бывший директор закрытого в 1939 году Института демографии М. Птуха), в других городах, особенно в столицах союзных республик, стали возникать исследовательские центры, расширилась подготовка специалистов-демографов, резко выросло число демографических публикаций.

И все же, несмотря на некоторые успехи, демографическая наука в СССР так и не приобрела серьезного влияния, не смогла занять того места, какое она получила во второй половине XX века в большинстве западных стран. Приведем лишь одну характерную иллюстрацию отношения к демографическим исследованиям в СССР.

В 1961 году Бюро отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР образовало комиссию по созданию Института статистики и демографии, что само по себе свидетельствовало о некотором понимании научным сообществом стоящих перед демографией задач. В тот же день, 28 ноября 1961 года, была образована и другая комиссия — по организации Института применения математических методов в экономике. Второй институт (ЦЭМИ) был создан и вскоре стал ведущим академическим центром советской экономической науки. Что же касается первого, то институт был образован не в Академии наук, а при ЦСУ СССР. Слово «демография» в названии института отсутствовало, как, впрочем, и слово «статистика». Официально он назывался «Научно-исследовательский институт по проектированию вычислительных центров и систем экономической информации», но был более известен как НИИ ЦСУ СССР и впоследствии был переименован в «Институт статистики и экономических исследований». Его директором был назначен демограф А. Боярский, и в нем все же был создан отдел демографии. Этот отдел (впоследствии — «отделение демографии»), бесшумным руководителем которого на протяжении более 40 лет был А. Волков, сыграл очень большую, может быть, решающую роль в развитии демографических исследований в СССР в 1960–1980-х годах, несмотря на то, что его возможности всегда были крайне ограниченными. Даже в самые лучшие времена отдел занимал всего две небольшие комнаты, а число его сотрудников обычно не достигало 20 человек. Простое сравнение с ЦЭМИ, для которого было построено двадцатипятиэтажное здание и где работали сотни людей (при том что в стране, в том числе и в системе Академии наук, уже было огромное количество экономических институтов), ясно показывает истинное отношение власти и научного сообщества к демографии.

Хотя начиная с середины 1960-х годов демографические исследования в СССР все же понемногу развивались, так же как и демографическое образование, их институциональная организация совершенно

не отвечала ни новому месту демографии в системе наук, которое она заняла в послевоенном мире, ни потребностям страны, как раз в это время втягивавшейся в новый демографический кризис.

Разумеется, дело было не только, а может быть, даже и не столько в ограниченности организационных возможностей демографической науки, сколько в общем климате, в котором она существовала десятилетиями.

Трудно представить себе другую общественную науку, не говоря уже о естественных, работа и результаты которой так мало интересовали бы тех, кто обладал властью в СССР. Почти абсолютная неинтересованность результатов конкретных демографических исследований государственным аппаратом, крайняя затрудненность, а иногда и полная невозможность получения данных государственной статистики, необходимость для таких исследований, ограничения на публикацию их результатов — характерные черты всех послевоенных десятилетий.

Даже простое стремление демографии конституироваться в качестве самостоятельной научной дисциплины долгое время встречало мощное противодействие. В ходу были сложившиеся в сталинские времена идеологические табу. В частности, влиятельный в то время руководитель демографической статистики страны П. Подъячих заявлял, что идея о демографии как самостоятельной науке «заимствована у буржуазных ученых» и «базируется на том, что в основе развития общества лежат якобы вечные и неизменные биологические законы» (Подъячих 1968: 28), а «идея о науке демографии лишь сеет иллюзии о ее возможностях и отвлекает внимание от изучения вопросов населения учеными тех наук, в задачу которых это входит» (Подъячих 1969: 24). В 1960–1970-х годах эта позиция выглядела уже слишком устаревшей и встретила сопротивление со стороны научной общественности, в каком-то смысле даже сплотила ее. Но идеологическая зашоренность численно увеличившегося сообщества демографов все же далеко не исчезла, все развитие этой отрасли знания оставалось противоречивым. Проводилось немало конкретных исследований, публиковались их результаты, переводились работы зарубежных демографов, но в то же время большими тиражами издавались работы с очень сильной идеологической составляющей (см., например: Марксистско-ленинская теория 1971; Марксистско-ленинская теория 1974). Еще в 1985 году были люди, искренне убежденные, что «в условиях обостряющейся классово-вой борьбы в сфере изучения народонаселения в качестве важнейшей выдвигается задача противостоять методологической линии буржуазной науки» (Савиных 1985: 56). Устраняясь от выполнения своих прямых исследовательских задач, подменяя их задачами идеологическими, демографическая наука вольно или невольно включалась в общую систему дезинформации, которая надежно ограждала население страны от знания и понимания ее демографических реальностей.

Противоречивое развитие привело и к противоречивым результатам. «Несмотря на очень скромные возможности, сравнительно немногочисленное сообщество советских демографов, начиная с конца 50-х годов, сделало немало для восстановления и развития своей науки. Отсутствие интереса со стороны властей имело и положительную сторону: дальше от царей — голова целей. Демография в это время развивалась в СССР, может быть, даже успешнее, чем иные области социального знания, обласканные властью. Но, конечно, это развитие

не соответствовало интеллектуальным возможностям страны, а тем более масштабам ее реальных демографических проблем. Уровень демографических знаний и публикаций в СССР в 60–80-х годах во многом напоминал их западный уровень в период между войнами. Описание преобладало над анализом, а тем более синтезом, отсутствие достоверной информации нередко восполнялось спекулятивными рассуждениями, объяснения часто основывались не на научной теории, а на обыденном здравом смысле» (Вишневский 1996: 112).

20.4

Неоправдавшиеся постсоветские ожидания

Начавшаяся в середине 1980-х годов перестройка и последовавшие за ней общественные преобразования не принесли ни советским, ни — впоследствии — российским демографам новых материальных или институциональных возможностей. Демографический институт, создания которого демографы добивались на протяжении нескольких десятков лет, так и не появился в России до конца столетия самых больших в ее истории демографических потрясений и перемен. Демографические исследования, как и прежде, велись в нескольких центрах, входящих в состав более крупных исследовательских или учебных учреждений, в основном в Москве²⁵, ни один из них не располагал удовлетворительным помещением, необходимой технической инфраструктурой, библиотекой, не имел сколько-нибудь серьезного финансирования.

Конечно, за последние 10–15 лет XX века произошли и благотворные перемены. Отпали бесчисленные идеологические и информационные табу, коренным образом изменился интеллектуальный климат, в котором жила демографическая наука, она вышла из международной изоляции, получила немалую помощь и поддержку международного сообщества. Огромную роль сыграла компьютеризация исследований.

Но коренных перемен в отношении общества и государства как к главным демографическим проблемам России, так и к их изучению не произошло, серьезный спрос на демографическую информацию не повысился, хотя интерес к демографической дезинформации, к манипулированию демографическими показателями в политических целях отнюдь не пропал, в каком-то смысле даже обострился.

Снова, уже в который раз в XX веке, была нарушена регулярность проведения всеобщих переписей населения. Намеченная на 1999 год перепись не состоялась и была проведена уже в новом столетии, в 2002 году. Результаты ее начали публиковаться в 2004 году, т.е. через 15 лет после проведения последней советской переписи. За эти 15 лет страна пережила огромные перемены, откладывать перепись в таких условиях значило обрекать себя на движение впотьмах.

На исходе века Государственная Дума преподнесла подарок своим избирателям, сократив объем доступной для анализа демографической информации²⁶. Лишь совсем недавно Россия получила возможность публиковать и использовать многие демографические показатели,

25

Важнейшие из них: Отделение демографии Института статистики и экономических исследований Госкомстата РФ (ныне уже не существующее), Центр по изучению проблем народонаселения МГУ им. Ломоносова; Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН; Центр демографии Института социально-политических исследований РАН.

26

15 ноября 1997 года был принят Федеральный закон «Об актах гражданского состояния», в соответствии с которым из содержания записей актов гражданского состояния был исключен ряд сведений, необходимых для углубленного демографического анализа. Неоднократные попытки Госкомстата и научной общественности восстановить соответствующие записи в актах ни к чему не привели.

отвечающие международным стандартам, и тут же частично лишилась этой возможности. Ранее уже отмечалось, что в 1990-х годах в России, как и во многих других странах, происходили очень существенные изменения в возрастной модели жизненного цикла семьи. Возможно, впервые за всю историю страны наметился заметный сдвиг в сторону повышения возраста вступления в первый брак и рождения первого ребенка, что может иметь немалые последствия, причем не только демографические, но и общесоциальные. И именно в этот момент статистика лишилась возможности получать необходимые сведения о происходящем. В конце века таблицы, характеризующие соответствующие параметры матримониального и прокреативного поведения в разных странах, выглядели примерно следующим образом (табл. 20.1 и 20.2).

Таблица 20.1. Средний возраст невест при вступлении в первый брак в некоторых странах, лет

	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Великобритания	26,3	26,7	26,9	27,0	27,3	27,2
Германия	26,4	26,6	26,7	26,9	27,2	27,0
Испания	26,8	27,1	27,3	27,5	27,7	27,8
Латвия	22,9	23,2	23,6	23,9	24,2	24,5
Литва	22,3	22,4	22,7	22,8	23,1	23,5
Молдавия	21,9	21,7	...	...	...	21,5
Польша	22,8	22,9	23,4	23,3	24,1	23,9
Португалия	24,7	24,8	25,0	25,0	25,2	25,3
Россия	22,0	22,1	...	...	...	...
Румыния	22,7	22,8	22,9	23,1	23,2	23,4
Словения	25,1	25,4	25,7	26,0	26,3	26,7
Украина	...	...	...	...	...	...
Швеция	28,7	28,9	29,2	29,4	29,8	30,2
Эстония	23,5	23,8	24,0	24,3	24,5	24,8

Источник: Recent demographic developments 2000; Recent demographic developments 2002.

Таблица 20.2. Средний возраст женщины при рождении первого ребенка, лет

	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Великобритания	28,3	28,7	28,6	28,8	28,9	29,1
Германия	27,5	27,6	27,7	27,9	28,0	28,2
Испания	28,4	28,5	28,7	28,9	29,0	29,1
Латвия	23,3	23,5	23,8	24,0	24,2	24,4
Литва	23,1	23,2	23,3	23,6	23,7	23,8
Молдавия	...	...	...	...	...	...
Польша	23,8	23,9	24,1	24,2	24,4	24,5
Португалия	25,8	25,9	26,0	26,1	26,4	26,5
Россия	22,7	22,9	23,0	...	...	...
Украина	...	...	...	...	...	...
Швеция	27,2	27,4	27,5	27,8	27,9	27,9
Эстония	23,0	23,2	23,4	23,6	23,8	24,0

Источник: Recent demographic developments 2000; Recent demographic developments 2002.

Многогочия вместо цифр за годы, начиная с 1998-го, и до тех пор, пока сбор соответствующих данных не будет восстановлен, останутся в этих таблицах навсегда, отсутствующая в них информация утрачена необратимо. И наверняка многие убеждены, что нам она и не нужна. Всем — нужна, а нам — нет. Здесь снова — легко узнаваемое, прискорбное для демографа, хотя и традиционное для нас пренебрежение «незначительными» событиями частной жизни людей. Есть вещи поважнее: величие державы, мощь ВПК, нефтедоллары...

Заложником именно такого взгляда на развитие отечества оставалась наша демографическая наука на протяжении всего минувшего века. В какой-то мере остается им и сейчас, когда, казалось бы, серьезность демографических вызовов, на которые России предстоит отвечать уже в новом столетии, достаточно хорошо осознана.

Сможет ли отечественная демография — уже в XXI веке, в этих, в чем-то новых, а в чем-то привычно старых условиях — с необходимой глубиной ответить на непростые вопросы, унаследованные от прошлого и порожденные новейшим развитием? Захочет ли общество услышать ее голос? Время покажет.

Одно только ясно: демографическое невежество в наступившем столетии — вещь опасная. Тот, кто этого не поймет, заплатит очень дорого.